

ДИАНА
МАШКОВА

ОБАЯТЕЛЬНАЯ
ВЕРА

...Истории о любви Дианы Машковой обнажают душу современной женщины, независимую и сильную, трепетную и ранимую, чьи лабиринты, тайные комнаты и тупики прекрасно знакомы автору книги.

Писатель Юрий Поляков

Диана Владимировна Машкова

Обаятельная Вера

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2455225

Обаятельная Вера: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-52729-8

Аннотация

Вера Александровна – так почтительно обращались к ней студенты. Верочка – так называл ее бывший муж. Верунечка – о таком ласковом имени мечтала она сама. Верунчик не везунчик, скорее – доверчивая простофиля. Нет мужчины, который не отметил бы ее обаяния. И не было в жизни Веры того единственного, который не воспользовался бы ее милым простодушием в корыстных целях. Но однажды судьба свела ее с ним: обаятельным и непредсказуемым.

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	60
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Диана Машкова
Обаятельная Вера

Дорогой читатель Литрес,
от всего сердца благодарю
за выбор моей текстовой
книжки и надеюсь, что
мы прекрасно проведем
время вместе!

Желаю добра, счастья,
увлекательных историй
и радости каждой день.

Будьте любимы и любите,
пусть удача не покидает!

С любовью,

Ваша

А. Мамонтова

Часть I

Глава 1

Вера Александровна обвела притихшую аудиторию внимательным взглядом: девушки замерли с прижатыми ко рту ладошками и изогнутыми в трагические дуги бровями. Юноши – на весь курс пять худосочных прыщавых недорослей – отвлеклись наконец от мобильных телефонов и уставились на преподавателя.

– Изольда сошла на берег, – продолжила лектор, сгущая интонацией краски, – и увидела возлюбленного своего Тристана. Он был мертв. Несчастливая Изольда легла рядом с ним, и сердце ее разорвалось от горя.

Над партами пронесся девичий вздох. Молодые люди хмыкнули и снова погрузились в виртуальный мир. Казалось, стоит отобрать у юного поколения будущих мужчин коммуникаторы – и это положит конец их земному существованию, словно из высокотехнологичных устройств вынут батарейки.

– Так заканчивается древнейшее кельтское сказание, пришедшее в средневековую литературу из Ирландии и Шотландии. – Вера Александровна бросила взгляд на часы.

Минута в минуту. Пора было распускать загрустившее со-

брание. Но студенты расходиться не спешили: словно из рога изобилия посыпались вдруг вопросы.

– А что стало с королем Марком?

– Жена Тристана обманула его из ревности?

– Тристана и Изольду похоронят вместе?

– А Гувернал и Бранжъена поженятся?

– Все это обсудим на семинаре, – лектор постаралась скрыть улыбку, – читайте текст и до новых встреч!

Профессор стремительно спустилась с кафедры, подхватив единственный лист бумаги с планом-конспектом лекции, махнула студентам на прощание рукой и вышла из аудитории.

Кафедряне, как обычно, отмечали наступление большой перемены чаем с плюшками. Ежедневно повторялся в небольшом коллективе этот пагубный ритуал: кто что успеет купить у станции метро или на автобусной остановке, то и приносит на стол. Печенье, ватрушки, булочки с изюмом, вафли.

Вера со вздохом вспомнила о пирожных «картошка», томившихся в сумке. Каждый раз она планировала внести свою лепту и улизнуть, и каждый раз ей недоставало для этого силы воли.

Подрывали внутреннюю дисциплину с начала учебного года не только живописно раскинувшиеся на столе и вредные для фигуры яства, но и неперемный атрибут нынешних кафедральных застолий: разговоры о новом проректоре.

Илья Владимирович Марков появился в институте первого сентября – был представлен ректором в совете как «талантливый московский ученый и опытный руководитель». Всего лишь за месяц работы новый проректор успел навести в педагогическом осином гнезде такого шороху, что взбудораженный рой теперь непрерывно гудел. Администрация возненавидела московского ставленника за беспрецедентную смелость и деловую хватку, зато рядовые преподаватели оказались близки к идолопоклонничеству.

После первого же выступления на ученом совете Маркова разобрали на цитаты: он называл высшее учебное заведение «банно-прачечным комплексом по отстирке купюр», открыто обвинял ректорат во «лжи и коррупции», грозил функционерам тем, что «кресла под ними вот-вот зашатаются». Шорох среди народа прошел крепкий. По сути, Марков открыто высказал все, о чем рядовые преподаватели давно шептались, но лишь в кулуарах. И что уровень образования в институте никуда не годится. И что преподаватели со своими зарплатами едва сводят концы с концами, а потому вынуждены искать дополнительные заработки. И что администрации дела нет до учебного процесса. Все силы – на бюрократию, потемкинские деревни и распределение материальных благ.

Теперь в самом воздухе витал дух перемен. Если бы за Ильей Владимировичем, которого преподавательский состав всего за тридцать дней успел возвести в кумиры, не сто-

ляли мощные силы государственного правительства, произносить вслух подобные вещи он бы никогда не посмел: к числу самоубийц этого умного, деятельного и привлекательного мужчину отнести было нельзя. И все понимали – есть решение Москвы разогнать воровскую шайку, которая управляет педагогическим институтом последние десять лет! А идея будет претворена в жизнь именно Марковым.

Вера Александровна села за стол в предвкушении новой порции последних слухов – особенно искусной в их подаче всегда была Варвара Тихоновна, старейший сотрудник кафедры, – и водрузила на свободный от тарелок пяточок свои пирожные.

Отдел совести, отвечающий за контроль внешнего вида и здоровья, забунтовал. В голову Веры полезли мысли о недоугой и вполне приличной институтской столовой, где можно пообедать рыбой и овощами. Но профессор предпочла совершить сделку с упомянутым внутренним отделом – пообещала себе, что аннулирует ужин, – и приготовилась слушать.

А ведь был на кафедре один человек, с которого в части питания стоило брать пример. Ольга Валерьевна относилась к своему рациону так, словно собиралась жить вечно. Сейчас она расположилась подальше от грядущей вакханалии – за своим рабочим столом – и извлекла из сумки баночку с очередным изыском. Вчера у нее на обед был греческий салат. Позавчера – цезарь с куриными грудками. Сегодня в про-

зрачной пластиковой емкости красовалась руккола с авокадо и креветками.

Глядя на ежедневное меню Ольги Валерьевны, остальным кафедриям оставалось лишь сглатывать слюни: с преподавательской зарплатой покупать в супермаркетах заморскую зелень оказалось немислимо. Коллеги все больше налегали на родную капусту: у Бога и правительства свое мнение насчет распределения земных благ.

А Ольге Валерьевне подсобили в жизни оба вершителя – Господь помог встретить перспективного мужа, правительство наделило его взлетом в карьере. И превратилась посредственный преподаватель, доцент кафедры английской филологии, в состоятельную гранд-даму. А ведь даже наличие супруга – не говоря уж о том, чтобы влиятельного, – в преподавательской среде было редчайшей редкостью.

Природа отнеслась к доценту с такой же любовью, с какой сама она – к диетическим кулинарным шедеврам. Это была Русалочка, а не женщина! Высокая грудь, тонкая талия, пышные бедра, светлые волосы в романтических локонах.

Оленька не пахала, как ее сослуживицы, на нескольких работах одновременно, по выходным не занималась репетиторством до потери сознания. Проводила свои семинары, и – домой. Хранить семейный очаг.

Вера Александровна, давно для себя решившая, что всякая зависть ниже человеческого достоинства, даже и не взглянула в сторону гастрономически продвинутой коллеги.

Проводница Тристана и Изольды в массовое сознание налила себе чаю и потянулась за первым бубликом. Тем временем многие взгляды любопытных кафедрян намертво приросли к столу Русалочки.

– Сегодня, представляете, – Ольга Валерьевна, как всегда, смущенная пристальным вниманием, заговорила первой: пыталась отвлечь коллег от собственного обеда, – вхожу в наше здание, а там стоит раздетая девица без документов. Вахтер эту фифу не пропускает.

– Любопытно, – проговорила Варвара Тихоновна, разглядывая сквозь толстые линзы очков свернутые колечками креветки в царстве зеленых листьев.

– Дальше еще интереснее, – Русалочка обрадовалась, приняв реплику на счет сказанного, – девица говорит: «Мне в приемный покой! Где у вас приемный покой?»

– И что? – Вера Александровна застыла с чашкой в руке и тоже обернулась на Русалочку. Уже несколько лет ее мучили подозрения о том, что под названием «институт» скрывается совершенно другое заведение.

– А вахтер отвечает, – Оленька сделала театральную паузу, – «это вам надо в главное здание. Приемный покой у нас там!»

Кафедряне как один покатались со смеху. Даже Тамара Львовна – заведующая, мудрая и строгая дама, – откинулась в порыве веселья назад и опасно покачивалась теперь на задних ножках стула.

Вера присоединилась к общей радости без особого энтузиазма: в последнее время преподаватели так часто потешались сами над собой, что это уже казалось ей дурным знаком.

– Ой, а у меня студенты сегодня, – прощепетала ассистентка Ирочка, невыгодное и вынужденное приобретение Тамары Львовны в новом учебном году, – перевели словосочетание «Roman Empire» как «Династия Романовых».

– А у меня снова классика жанра, – поддержала беседу заведующая: ей одной было ведомо, кто именно стоит за спиной ассистентки, – студентки фразу «Wonders are many, but there is nothing more wonderful than a Man»¹ из учебника Аракина перевели «Чудес много, но нет на свете ничего чудеснее, чем Мужчина»!

Кафедряне снова прыснули со смеху, хотя больше – из уважения к заведующей. Перевод был почти традиционным, и каждый поработавший на третьем курсе прекрасно его знал.

– Они не ошибаются, – задумчиво произнесла Варвара Тихоновна, оторвавшись наконец от созерцания Олиной баночки, – говорят, через полсотни лет мужчин на Земле будет в два раза меньше, чем женщин!

– Я тоже об этом слышала. А через сто тысяч лет сильный пол вымрет! – горячо поддержала Русалочка, которая своего супруга холила и лелеяла так, словно он уже был последним представителем рода мужского на Земле. – Английский про-

---

¹ Чудес на свете много, но нет ничего чудеснее Человека (англ.).

фессор Брайна Сайкиса исследовал деградацию хромосомы, которая отвечает за мужское начало, и...

– И черт с ними, – небрежно отмахнулась Тамара Львовна, с молодости мучившаяся в несчастливом браке, – пусть вымрут. Проблем станет меньше.

– А детей от кого рожать?! – спохватилась юная Ирочка. Для нее вопрос был весьма актуален: возраст подбирался к четверти века, а замужество, не говоря уж о деторождении, так и не наступало. Мириться с ситуацией, в отличие от многих умудренных жизненным опытом коллег, ассистентка, видимо, не собиралась. Несмотря на внешнюю мягкость – округлую фигуру, пухлые губки, детские черты лица – целеустремленности в Ирочке было с лихвой.

– Оставим, – примирительно разрешила Тамара Львовна, – пару особей на рассаду.

– И я, – подала голос моложавая Гульнара Салиховна, – даже знаю, кого!

– Кого? – не удержалась от вопроса Вера Александровна, уже предвидя ответ: сердце ее учащенно забилося.

– Илью Владимировича, конечно, – Гульнара хитро сощурилась и без того узкие глазки, – нашего нового проректора.

– Откуда такая уверенность? – поинтересовалась Тамара Львовна с любопытством юного исследователя. Марков не казался ей центром вселенной. Как, впрочем, и ни один другой мужчина.

– Послушайте, – Гульнара усмехнулась, – если в мужчину

влюбляются все женщины, значит, он прекрасно подходит на роль производителя! Красивый, здоровый. Умный, интеллигентный. Социально активный. Что-то я не припомню в своей жизни аналогов.

– А он уже в вашей жизни? – ревниво дернула плечом Ангелина.

Несмотря на внешность модели, правда, уже в летах, с мужчинами преподавателю стилистики никогда не везло: один бросил, другой сбежал, третий испугался еще до начала отношений. Слишком умных эти «особи», как выразилась Тамара Львовна, не принимали. Даже внешние данные не могли компенсировать избыток интеллекта у женщины – если только временно застить глаза. И практически все собравшиеся за кафедральным столом оказались живыми тому подтверждениями.

Гульнара оглядела коллег, застывших в ожидании, и загадочно улыбнулась. На ее лице был написан ответ: «ДА!»

У Веры Александровны внутри все оборвалось. Ладони похолодели, в ушах застучала барабанная дробь. Она понимала, конечно, что Марков рано ли поздно сдастся на милость победительницы: ни один мужчина не способен держать оборону перед разгоряченным женским коллективом годами. Но почему именно Гульнара?! Когда и как могли они сблизиться?

Остаток большой перемены прошел в тяжелом молчании. Все-таки Гульнара, кем бы ни приходилась она теперь Мар-

кову, поступила недальновидно. Коллектив, в котором добрых три четверти без памяти влюблены в красавца проректора, ее не простит. Даже Русалочка – казалось бы! – сидит, раздувает ноздри. А ведь она при всей своей внешней безобидности умеет плести интриги. И не без помощи влиятельного муженька. Остальные тоже найдут способ подпортить коллеге жизнь.

Вера постаралась выбросить мысли о Маркове и Гульнаре из головы. Смешно ревновать мужчину, с которым тебя ничего не связывает. Илья Владимирович – это идеал. Благородный и недосыгаемый образ. С таким же успехом можно расстраиваться из-за неверности литературного героя, например. И к чему это приведет?

Но как ни пыталась она наложить запрет на никчемные мысли, головы ее настойчивый Марков не покидал.

Вера Александровна вспомнила, как встретила проректора в коридоре на следующий день после ученого совета, взбудоражившего весь институт. Она уже тогда поняла: Илья Владимирович станет достойной альтернативой заполонившему институт кишлаку на следующих выборах ректора. Поступил-таки тревожный сигнал в высшие эшелоны государственной власти! И там решили разобраться с небогоугодным заведением: ключевые посты заняли люди, которые понятия не имеют ни о науке, ни об образовании. Зато им повезло родиться в одном ауле с человеком, занявшим ректорское кресло. Все они вышли из глухой татарской деревни, да

вот беда – деревня из них не вышла.

А на носу – неведомые реформы. Какие, зачем? Этого не мог понять никто.

И только появление в институте Маркова вселяло надежду. Человек честный, болеющий за образование и вышедший из научной среды, сможет навести здесь порядок! При условии, что нынешних ставленников погонят вон поганой метлой. Илья Владимирович при должной поддержке Москвы это сделает – он не просто ученый, а еще и успешный бизнесмен в недалеком прошлом. А у людей бизнеса, в отличие от типичных представителей профессорско-преподавательского состава, есть деловая хватка и умение видеть ситуацию на десять шагов вперед. Видимо, благодаря этим качествам на государственном уровне и выбрали его.

Марков оказался лучом света в институтском царстве. Вот Вера Александровна в избытке чувств и протянула ему руку со словами: «Поздравляю! Вы – наше будущее!» А потом ощутила прикосновение его плотной сухой ладони – властное и нежное одновременно. «Будете голосовать за меня?» – игриво поинтересовался он, заглядывая коллеге в глаза. Вера ответила решительно: «Всенепременно» – и тут же смутилась собственной пылкости.

Весь этот роман – не «роман», лишь сладостная игра воображения женщины-филолога – состоял из нескольких случайных встреч в коридорах главного здания, лукавых искорок в зеленых глазах Маркова и теплых рукопожатий.

Однажды после такой встречи Вера обернулась и увидела: Илья Владимирович не уходит, а смотрит ей вслед. Сердце тогда застучало лихорадочно быстро. А что, если и в его голове мелькают схожие мысли? Как знать, вдруг Марков разглядел в ней интересную женщину? Так же, как сама она увидела в нем великолепного мужчину. Игра взбудораженной фантазии, напитанной шедеврами мировой литературы, моментально сделала все остальное.

Женщина, чья жизнь соткана из книг, умеет ценить иллюзии.

Но стоило Маркову махнуть Вере, еще раз прощаясь, рукой и пойти дальше своей дорогой, как наивные картинки из головы профессора улетучились. Вера Александровна улыбнулась – забавно, что она сохранила в своем, надо сказать, немало в возрасте способность окрыляться от одного взгляда мужчины. Интересно, это разовое движение души или оно еще повторится?

Вера проверила свои ощущения через пару дней еще раз. При виде Маркова крылья послушно возвращалась за спину! А она давно уже и не чаяла...

Коллеги разбрелись по занятиям, Вера Александровна тоже поднялась из-за стола и направилась в аудиторию, на ходу просматривая материал к семинару. В родном здании она могла передвигаться даже вслепую – каждая дверь, каждая половица знакома еще со студенчества. Двадцать два года жизни: радостей и горя, открытий и разочарований, удач и

падений. Как бы она ни хандрила временами и ни жаловалась на институт, он был частью нее. А она – плоть от плоти...

– Верочка, – Варвара Тихоновна возникла, словно из-под земли, обдав Веру ароматом цветочных духов, – не бери в голову. Ничего у них нет!

– Что? – Вера Александровна изумленно смотрела в пронзительные синие глаза, красиво окруженные морщинами.

– Гульнара пошутила, – старшая коллега загадочно улыбнулась, – точнее, девочки сами додумали.

– А почему, – Вера поспешила закрыть скользкую тему, – вы решили сообщить об этом именно мне?

– По многим причинам, – мягко проговорила Варвара Тихоновна, – хочу, чтобы ты знала: времена меняются. Не стоит годами ждать.

– Не понимаю.

– Тебе характер достался от отца, – лицо ее озарилось, – а надо быть решительней! Борись за свое счастье!

Варвара Тихоновна торопливо сжала ладонь Веры и скрылась за дверью своей аудитории. Преподаватель зарубежной литературы осталась посреди коридора в полном недоумении.

– Вера Александровна, – услышала она за спиной звонкий голос, – у нас занятия будут?

– Да, в двести одиннадцатой, – ответила она и продолжила путь.

Слова Варвары Тихоновны не выходили у Веры Александровны из головы целую неделю. Она думала, что напрасно ни разу в жизни не проявила в отношениях с мужчинами инициативы. Всегда только шла на поводу. А времена и вправду меняются – куда ни бросишь взгляд, всюду охотницы.

Вера представила себя в облике Артемиды и рассмеялась: вряд ли, создавая ее, Бог рассчитывал отвести ей подобную роль. Во всяком случае, мягкая фигура с очень женственными линиями и лицо, в котором не было и капли агрессии, для подобных спектаклей совсем не годились.

А страсти вокруг Ильи Владимировича тем временем разгорались. На всех факультетах вуза(!) происходили схожие вещи: облава, устранение соперниц, интриги. Немалый женский коллектив педагогического института вспыхнул, как громадный стог сена, в который попала искра.

Даже некогда дружная кафедра английской филологии начала походить на театр военных действий. Поначалу кафедряне дружно ополчились на Гульнару. Потом переругались из-за Маркова между собой. Дальше больше – каждая стала рассказывать небылицы то о вечере, то о ночи, проведенной с Ильей Владимировичем.

Веру Александровну считали стороной нейтральной и с энтузиазмом вешали лапшу на уши в надежде на то, что она станет ценным распространителем сомнительной информации, но Вера хоронила чужие фантазии под могильной пли-

той собственных нахлынувших вдруг эмоций.

Внутреннее волнение все нарастало. Всеобщее женское поклонение перед Марковым оказалось таким заразительным, что устоять было нельзя.

И Вера сдалась: поплыла, как и все, по течению собственных фантазий. В минуты прозрения она готова была хохотать до слез сама над собой – понимала, что, как и все институтские дамы, купилась дуриком на обаяние единственного в вузе приличного мужчины. Зато в периоды обострения становилось совсем не до смеха: ведь каждую минуту ситуация могла измениться. Маркова могли увести из-под носа.

Делать первый шаг или нет? Идти на поводу у сантиментов или поостеречься? Ждать с каждым днем становилось все опаснее – ведь у каждой сотрудницы института был шанс вырваться вдруг вперед.

Стратегический план «борьбы за счастье» созрел в ее сознании за пару минут – пока Ангелина делилась собственными идеями, «как заарканить Маркова». Вера приняла категорическое решение – разыскать электронный адрес Ильи Владимировича и попросить о встрече: была у нее в запасе одна мысль в части воспитательной работы. Ею и предстояло воспользоваться.

Адрес удалось добыть без труда. Людочка, секретарша Маркова, отличалась добрым характером. К тому же на факультете иностранных языков – в группе, где куратором была Вера Александровна, – училась ее дочь.

Вечером того же дня, в который было принято нетипичное для Веры решение, она писала Маркову с домашнего компьютера: «Уважаемый Илья Владимирович, здравствуйте! У меня к Вам предложение по организации новой формы воспитательной работы со студентами. Думаю, Вам, как проректору по направлению, оно покажется интересным. Предлагаю встретиться для обсуждения. Необязательно в стенах института».

Последнюю фразу Вера Александровна уничтожала и восстанавливала несколько раз. Потом все-таки набралась смелости – без нее содержание письма теряло двусмысленность – и оставила. Подписалась «Профессор кафедры английской филологии Вера Александровна Орлова».

Имя-отчество – полностью: не была уверена в том, что «уважаемый Илья Владимирович» вспомнит профессора с факультета иностранных языков. Слишком много вокруг него вьется женщин. Нажала «отправить», выключила компьютер и отправилась спать.

Все. Дело сделано. Ждать ответа не стоит: главное, что долг перед самой собой выполнен – в «борьбе за счастье» сделан первый шаг. И, вне всяких сомнений, единственный. За развитие событий пусть отвечает Судьба.

Из стопки книг на прикроватной тумбочке Вера Александровна вытащила одну наугад – ежевечерняя игра – и усмехнулась, обнаружив в руках английскую версию «Тристана и Изольды»: самое время для слезливых любовных историй.

Но уже через десять минут английские буквы плыли у нее перед глазами, а Тристан неумолимо превращался в Маркова. На кого стала похожа Изольда, догадаться несложно.

Вера отложила книгу, выключила свет и закрыла глаза. О сне оставалось теперь только мечтать.

Глава 2

Она лежала и с тоской думала о том, что любовь имеет право на существование только, если чувства взаимны. Безответные эмоции опасны, и каждый ответственный человек обязан подавить их еще в зародыше.

Но иногда проблема таится в безвестности. Она, например, не может знать, испытывает Марков к ней ответную симпатию или относится игриво ко всем женщинам сразу.

Существует же особая порода мужчин, настроенных не на отношения с одной дамой сердца, а на формирование вокруг себя сонма поклонниц. Порядочный человек всегда скажет «Катенька (Ирочка, Верочка...), ты – чудесная девушка, но мы можем быть только друзьями». И все! Катенька (Ирочка, Верочка...) справится со своими чувствами и вновь обретет свободу.

А Марков? В работе он честен и не боится правды. Но как ведет себя в личной жизни? Какие бы усилия ни прилагали институтские охотницы, а получить информацию о «контактах и связях» нового проректора не удалось.

Вполне может статья, Илья Владимирович с удовольствием пудрит мозги всем желающим женщинам. Это так выгодно: обилие на-все-готовых-поклонниц повышает самооценку. Кроме того, на влюбленных девушках и женщинах можно прекрасно ездить.

Можно предположить (теоретически), что одна из них – секретарша ректора. Неплохо попадать на прием вне очереди и получать отметку «срочно» на все свои документы. А другая, скажем, библиотекарь. И она по первому зову бросит свои дела, займется поиском нужной литературы. А третья – проректор по хозяйственной части, и тебе одному во всем институте не приходится слезно выпрашивать реактивы. А четвертая – студентка, которая отлично моет полы и готовит, а пятая – талантливая коллега, которая только и ждет твоих поручений, а шестая, седьмая, восьмая... И вовсе не обязательно с ними со всеми вступать в близкие отношения. Достаточно мило улыбаться, держать на коротком поводке. Женщины – в поисках любви и тепла – становятся слишком доверчивыми.

Нарисованная воображением картина заставила Веру Александровну встрепенуться. Глупость! Марков другой. Или она в свои сорок лет совершенно не знает жизни.

Неоднократно ведь убеждалась: благородный и ответственный в профессиональном отношении человек не может в вопросах иного рода вдруг оказаться бесчестным. И, напротив, тот, кто беспорядочен в личной жизни, как правило, так же ведет себя и в делах: ему ничего не стоит обмануть и предать в собственных интересах. А это не похоже на Маркова.

То, что при огромном количестве влюбленных женщин Илья Владимирович, как утверждают институтские сплетни,

до сих пор один – объяснимо. Обжегся на первом браке, говорят, был женат на богатой и неуравновешенной даме – и боится теперь «в тихий омут».

Его взгляды на жизнь, его стремление к справедливости казались Вере не просто близкими – они словно были взяты из ее собственной головы. Будь она мужчиной, точно так же вела бы себя и действовала теми же методами. Только, к сожалению, она родилась женщиной. С одним явным отличием от представителей рода мужского – неподконтрольной жаждой любви, которой всемогущий Господь Бог, злой шутник, наделил весь слабый пол. И это, наверное, было единственным, чего Вера всю свою жизнь не могла ему простить.

Из-за матери.

Лида была юной девочкой, красавицей студенткой второго курса, когда вышла замуж за отца Веры – уже профессора, известного и уважаемого в университете человека. Девушке было лестно, что такой мужчина обратил внимание на нее. Брак с ним сулил шикарную жизнь: квартиру в центре города, статус, уверенность. А Александр Иванович действительно полюбил – страстно и на всю жизнь.

Родня матери – девушки с рабочих окраин – тут же бросилась уговаривать ее принять предложение. Такой шанс дается в жизни лишь раз! Такой мужчина – счастливый билет, за который многие борются и воюют годами. А он достался ей даром, совсем без усилий. Поэтому и не ценит!

Лида оценила, да так и не смогла полюбить. Хотя, навер-

ное, тогда ей это не казалось таким уж важным. Настоящий мужчина – вот основа основ! А Александр Иванович был настоящим: внимательным, заботливым, щедрым. Ради Лидочки готов был на все.

В общем, свадьбу сыграли. Лида в белом кружевном платье – профессор специально возил ее за нарядом в Москву – с холодным взглядом и улыбкой послушной девочки на губах. И сияющий от счастья Александр Иванович – в солидном черном костюме, при бабочке. На всех фотографиях видно, как он тянется к ней: трепетно обнимает, держит за руку или нежно прижимает к себе. А Лидочка отстраняется едва уловимо.

Вера родилась через год после свадьбы. Бабушка – Лидина мать, – воспользовавшись ситуацией, перебралась жить к молодым из своих трущоб: «Дочке учиться надо, нельзя пропускать занятия из-за ребенка!»

Одним словом, Вера свою маму видела редко. В университете Лидочка пропадала до поздней ночи – после занятий шла в библиотеку или в студенческий клуб: организовывала концерты, готовилась к выступлениям. Александр Иванович всегда и во всем поддерживал молодую жену: студенческие годы даются лишь раз, нельзя запирается в четырех стенах. Тем более о ребенке было кому позаботиться.

Самые яркие воспоминания о матери у Веры остались такие: ей пять лет, бабушка легла в больницу на операцию, а Лида сидит в детской комнате на кровати с учебником и

тетрадами. Лицо у нее недовольное: брови нахмурены, лоб сморщен.

– Мамочка, я пить хочу, – попросила Вера тихо: отец, уходя на работу, предупредил дочку, что маме мешать нельзя. Обещал, что она побудет рядом, но развлекать не станет – у нее в школе комиссия, скоро открытый урок.

Лида молча встала и принесла в чашке воды. Вера снова занялась игрушками, которые разложила на своем детском столике, но очень скоро ей стало скучно.

– Давай поиграем, – робко предложила она.

Лида только фыркнула в ответ.

– Когда будем обедать? – спросила девочка, заходя с другой стороны. Как ей хотелось тогда, чтобы мама хотя бы ответила! Чтобы вместе пойти в кухню, как с бабушкой, Вера бы накрыла на стол – поставила две тарелки, достала ложки, а мама пока подогрела борщ и котлеты. Хорошо, бабушка до больницы успела приготовить еды на целую неделю. А то сидели бы все голодные.

Лида снова, не произнося ни слова, пошла в кухню и тут же вернулась с полной тарелкой. Смела тонкой рукой Верины вещи с детского столика и поставила перед девочкой суп. Малышка поболтала ложкой борщ, в котором плавали желтые твердые кружочки жира. Потом потрогала тарелку – та была ледяной. Стало так обидно, что слезы сами собой покатались из глаз.

– Ешь! – услышав всхлипы, сказала Лида.

– Не буду, – пробормотала Вера, – суп холодный.

– Ешь!

– Не буду!

Мать снова встала и забрала у дочери тарелку. «Надо было делать аборт!» – выплюнула со злостью и вышла из комнаты. Вера тогда ничего не поняла, но запомнила это странное сочетание звуков.

Из кухни Лида уже не вернулась – было слышно, как открылась и закрылась дверь в кабинете отца. Ей было неудобно рядом со дочерью, Вера ей мешала.

Очень скоро девочка устала от обиды, перебралась в кровать и проспала до самого вечера. Открыла глаза и увидела папу.

– Малыш, как дела? – Родное лицо озарилось улыбкой, а в глазах плясали счастливые огоньки.

– Хорошо, – ответила малышка и улыбнулась.

– Я голодный, как лев, – он сделал страшное лицо и зарычал, – пойдём на охоту?

– Да! – Она засмеялась.

Прекрасно, что дети быстро забывают о прошлом. Можно себе представить, какими злыми вырастали бы люди, если бы помнили все детские огорчения. Ведь взрослые так редко думают о чувствах детей.

Вера тоже о многом забыла: ее маленький мир вращался по заведенному кругу. В нем были любящий папа, заботливая бабушка. Появилась школа, друзья. Музыка. Танцы. Бас-

сейн. Ее загружали так, что домой она приходила лишь поздно вечером: лишь спустя годы Вера поняла, что делалось это специально. Лиду по-прежнему раздражало ее присутствие.

Гром грянул, едва девочке исполнилось девять. Даже загруженная собственными делами и учебой, она вдруг почувствовала, что дома происходит страшное. Отец, которому все эти годы удавалось сглаживать и скрывать невыносимый характер жены, больше не имел никакой власти над ситуацией. Лида окончательно озлобилась и замкнулась в себе. Она с каждым днем все больше худела, под глазами легли черные круги. Сил работать в школе у нее уже не было, и Александр Иванович настоял на том, чтобы она уволилась.

Начал водить Лиду по врачам, пытаюсь спасти. Все произносили непонятное слово «депрессия». Отец с бабушкой долго шептались по вечерам в кухне и никак не могли понять, в чем же причина: ни жизненных потрясений, ни стресса или несчастий. Наоборот, устроенная комфортная жизнь!

Последовать советам докторов было, на их взгляд, невыносимо: изменить образ жизни или родить второго ребенка. Про образ жизни отец с бабушкой гадали каждый вечер: что делать? Отвезти Лиду к морю? Отправить ее в путешествия? Но она даже не выходит из дома, от всего отказывается! А на вопрос бабушки о ребенке папа только безнадежно махал рукой. Так, словно это было не проще, чем, скажем, слетать на Марс.

– Ей даже Верочка не нужна, – сказал папа однажды ше-

ПОТОМ.

– Господи, – тяжело вздохнула бабушка, – в кого наша Лидка такая? И мне все время одно и то же твердит: «надо было аборт», «надо было аборт».

– Тише, – цыкнул на тещу отец, – вдруг Верочка проснулась.

Он шумно отодвинул табурет и пошел в детскую, а Вера чудом успела добежать до кровати, чтобы спрятаться под одеяло, притворившись спящей. Но слово «аборт» теперь уже засело, как гвоздь, в ее голове.

Однажды Вера вернулась из школы раньше обычного – учитель рисования заболел, и последний урок отменили. Она позвонила в дверь, но никто не открыл. Понятно, что папа в университете. Но куда могли подеваться бабушка с мамой?!

Вера открыла дверь своим ключом, который всегда был в портфеле «на всякий случай», и вошла.

В квартире оказалось подозрительно тихо. В кухне – никого, в гостиной – тоже. Она вошла в свою комнату, бросила портфель и решила, что свободные два часа до музыкальной школы можно почитать. Все книги хранились в кабинете Александра Ивановича – в высоченных, до потолка, книжных шкафах со стеклянными дверцами. Он никогда ничего не запирает, только убирал на самые верхние полки те издания, которые не должны были, по его мнению, попасться на глаза Вере. Но она-то знала, что за занавеской стоит стре-

мянка, а уж с ее помощью можно добраться хоть до потолка! И пока дома никого нет – самое время.

Девочка уверенно распахнула дверь кабинета. Стремянка почему-то валялась прямо посередине комнаты, а с потолка свисало длинное Лидино платье. Она подняла голову и тут увидела ее саму – лицо мамы с вывалившимся синим языком и вытаращенными глазами было повернуто прямо к ней.

Вера широко распахнула рот в безмолвном крике и повалилась без сознания на пол...

С той минуты она замолчала. Ни одно слово не могло сорваться с непослушных Вериных губ. А ведь она хотела, пыталась. Открывала рот и шамкала, как немая, заливаясь слезами. Она стала похожа на невыносимо живучую рыбу, которую навсегда вытащили из воды.

Папа с бабушкой не сразу заметили, что происходит: были слишком заняты Лидой. И только на четвертый день – после похорон и поминок – отец понял, что дочь не может говорить.

И снова началась больничная круговерть – врачи, лучшие специалисты, неврологи, отоларингологи, терапевты. К кому только из детских логопедов ее не возили – в городе таких не осталось. Целых пять лет никто не мог вытянуть из Веры ни единого слова. Она была совершенно нормальным ребенком: все слышала и понимала. В речевом аппарате, сколько ни обследовали, никаких нарушений найти не смогли. Девочка просто молчала, и все.

Даже учителя в школе к ней приспособились: никогда не вызывали к доске, давали только письменные задания.

Особенно мучилась с безмолвной ученицей англичанка Светлана Сергеевна – потихоньку оставляла ее после уроков и давала слушать записи, читала вслух книги. Вера поняла, хотя и не сразу, что учительница влюблена в папу и относится к ней как к собственной дочке. Хочет помочь. Только Александр Иванович никак не желал замечать ее особой привязанности: после смерти мамы он не обращал внимания на женщин. Вел себя так, словно никакого различия полов в природе не существует. А ведь он был еще не старым человеком – чуть-чуть за пятьдесят. Сейчас эти близкие «пятьдесят» казались периодом расцвета.

Девочка видела, как страдает бедная Светлана Сергеевна, и, чтобы хоть чем-то компенсировать ей безразличие отца, усердно занималась английским. Читала про себя, писала, учила новые слова, которые не могла произнести вслух. Но они четко звучали в ее голове.

После смерти мамы с Верой случилась еще одна странность: она научилось видеть чувства людей. Оказалось, что каждое из них имеет свой цвет. Вокруг отца всегда витала черная дымка – девочка знала, что его сердце не может оправиться от удара. Догадывалась, что в смерти Лиды он винит только себя. Бабушкина тоска была свинцового цвета – плотный серый туман над головой. У чувств Светланы Сергеевны был нежно-розовый оттенок, который изредка становил-

ся бордовым. Кажется, в моменты отчаяния.

Вере было легко понять, как относятся к ней одноклассники и учителя. Преподаватели часто испытывали жалость – синий цвет, – ученики, бывало, завидовали особому положению Орловой – «ее никогда не спрашивают», – и тогда воздух вокруг их голов окрашивался в темно-зеленый. Эмоции людей менялись, краски над ними – тоже. Это было красиво.

А потом ее способность пропала так же, как появилась – внезапно. Когда Вере исполнилось пятнадцать, она начала мучить себя вопросом, почему мама так поступила. Чтобы покончить с собой, человек должен дойти до последней точки отчаяния – прозябать в нищете, быть никому не нужным. У мамы была семья, был достаток – все, чтобы жить и радоваться. Значит, существовала какая-то тайна, о которой взрослые Вере не говорили.

И она начала искать. Ждала, когда отец с бабушкой уйдут из дома, и шла в кабинет отца, где хранились семейные документы. Каждый раз Вера преодолевала настоящий ужас, открывая дверь в кабинет, и все же не оставляла попыток. Вскоре ее настойчивость была вознаграждена – в нижнем, запирающемся ящике отцовского стола, который Вера вскрыла с помощью отвертки, она нашла мамин дневник.

«Александр Иванович ухаживает за мной, – писала Лида на первой странице, – забавно! На лекциях все его слушают, открыв рот, а вечером, в ресторане, он смотрит на меня с таким интересом, словно профессор здесь – я. Анька гово-

рит, он очень импозантный мужчина. Не знаю. Не понимаю, что это значит. Я только вижу, что он намного старше меня и умнее, конечно. Но ведь ум не скрывает недостатки – седину, полноту. Не стану перечислять дальше. Когда сидишь в аудитории, а он стоит за кафедрой, конечно, ничего такого не думаешь. Но как только оказываешься рядом с ним... Бр-р-р».

«Уже год Александр Иванович пристаёт со своим предложением руки и сердца. С ума сошел. Надо было в преклонном возрасте – сорок лет! – влюбиться в студентку!

Анька меня не понимает, скоро рассоримся. Ей кажется, лучше Александра Ивановича у меня в жизни никого и не будет.

А если я не хочу? Стоит мне начать рассказывать, как он противно целуется, и Анька машет на меня руками, чтобы я замолчала. А кому еще жаловаться? Узнают – мигом из университета его выгонят.

С одной стороны, он любит меня. А с другой, надо же и о себе думать! И его жалко, и себя. Что делать?! Как сказать, что он мне не нравится? Каждый раз собираюсь и боюсь. Цветы брала, в рестораны ходила? То-то!»

«Не ожидала от мамы!!! Она, видите ли, спит и видит, как бы с папой разъехаться. А я тут при чем?! Почему я должна выходить замуж за человека, который в отцы мне годится, лишь бы обеспечить некоторым «комфортную жизнь». А она скандал закатила – и с ума грозилась сойти. Ей-то я что

плохого сделала?!

Вообще не надо было ничего говорить! Теперь меня не только Александр Иванович и Анька уговаривать будут, теперь и мама с ними заодно. Вот я дура-то! Нашла, у кого просить совета.

А Артем с третьего курса целуется классно! Единственная хорошая новость».

«Москва – это сказка! Никогда не думала, что можно влюбиться в город. И Александр Иванович все-таки очень милый – отдельную комнату мне оплатил в гостинице и не спрашивается, даже не намекает. Артем уже был бы тут как тут!

А платье... Я такого в жизни не видела. Пойду завтра, примерю: тут недалеко. Мне Александр Иванович обещал любое купить, лишь бы я согласилась. Вот и посмотрим!»

Дальше в записях шел большой перерыв, почти полгода. И если раньше Лида писала чуть ли не каждый день, ровным студенческим почерком, то теперь ее записи стали стихийными: раз в неделю, раз в месяц. Почерк изменился до неузнаваемости: торопливые угловатые строчки наскакивали одна на другую, словно сражались между собой.

«Я беременна!!! Гром разрази врача, который прописал мне эти новомодные таблетки! Почему женщины должны глотать бесполезную отраву, да еще по расписанию, ради чужого удовольствия? Не могу я так жить. Раз забыла, другой... Если скажу Сашке, он заставит рожать: спит и видит,

как бы засадить меня дома с кучей детей. А я не представляю себе никаких детей, меня от него самого уже круглые сутки тошнит. Глаза бы не видели!

Не надо было никого слушать, не надо. Завтра буду выяснять про аборт и подавать на развод. Только бы мать с Сашкой ничего не узнали!»

«Девочка. Вес 3250. Рост 50. Назвали Верой – Сашка решил. Какая еще «вера»?! Никакой веры теперь уже нет...»

Вера читала, перебравшись в свою комнату и плотно прикрыв дверь. Годы переворачивались вместе со страницами дневника. Настроения Лиды скакали от отчаяния до эйфории, от горя до счастья. После замужества, после рождения дочери пришло вдруг и ее время – впервые в жизни она полюбила.

«Сашка уже пять лет из кожи вон лезет, чтобы заслужить мое прощение. Идиот! Прощают тех, кого любят. Он не имел права выслеживать меня, разговаривать с врачом!

Интересно, простила бы я Михаила, если б он против воли уговорил меня рожать?

Боже мой, что за чушь! С Мишей ничего подобного в принципе не возможно – я люблю его! Я хочу родить от него пять, десять детей! Лишь бы был рядом. Никогда не думала, что такое бывает: соединяешься с человеком и летишь, и летишь... А Земля остается далеко позади. Я должна получить у Сашки развод! С ума сойду, если не выйду замуж за Мишу. Верку, если хотят, пусть оставляют себе. Все равно я ей

давно не нужна».

«Третий день Мишенька не берет телефон. По рабочему отказываются его звать: то вышел, то занят. Ехать самой на завод? Не пропустят. Сказать, что жена? Там знают, что жены никакой нет.

Это все из-за Сашки! Я прошу: дай мне развод. А он, что он делает? «Лидонька, все наладится». «Я тебе помогу, думай о Верочке». «У нас семья». Ноет. Просит. Как с ним быть?! Знает, что я люблю другого человека, и все равно стоит на своем!

Зачем я ему? В постели давно не жена, только по паспорту. Верой и домом мать занимается. Вот пусть остаются, живут втроем! Не собираюсь я отнимать ребенка, не нужно мне ничего – ни одной копейки, ни единой тряпки! С чем пришла, с тем и уйду. Пусть только отпустит!»

«Все кончено!!! Я его видела. Подсаживал в свою машину совсем молодую девку: где только нашел? Они уехали, я – к охране. «С кем это, – спрашиваю, – Михаил Игоревич?» Охранник усмехнулся гнусно (вспомнил, что ли, меня?): «С невестой». А мне как же жить?!»

«Смысла нет. Я устала. Знаю, что виновата сама: не дождалась любви, выскочила замуж по дурости. Даже расчетом назвать это нельзя – какой расчет, если ничего мне в этой жизни не нужно? Ничего, кроме любви!!! Где ты теперь, родной мой? Где ты, Мишенька-а-а?!»

Последняя запись была короткой и огромной: на полстра-

ницы.

«ОТПУСТИТЕ. НЕТ СИЛ! ВЕРА, ПРОСТИ!»

Вера дочитала мамин дневник, сунула его под подушку и, изможденная избытком тяжелых эмоций, провалилась в глубокий сон. Она не слышала, как пришли домой сначала бабушка, потом папа. Не чувствовала прикосновений бабули, когда она пытался ее разбудить, чтобы накормить ужином. Не проснулась и когда перепуганный отец поздним вечером вошел в спальню – обнаружил, что ящик стола взломан, а дневник – страшное свидетельство его неоспоримой вины – пропал. Он потом долго сидел рядом со спящей Верой, и тяжелые редкие слезы сбегали к подбородку по морщинистым щекам.

Сначала в небытии Веры было темно – без красок и сновидений. А потом ей первый раз в жизни приснилась белокурая девочка, кружившаяся посреди василькового поля. Она подставляла солнцу лицо. То ли это была сама Вера в детстве, то ли Лида – во сне никак нельзя было разобрать, но чувствовалось, что это – очень родной человек.

Было радостно смотреть на девчушку: даже бесконечный синий цвет – цвет жалости – не омрачал сна. Девочка казалась спокойной и легкой. Без забот на душе. «Все будет хорошо», – крикнула она почему-то в небо, и Вера поверила ей.

Когда открыла глаза, перед ней сидела перепуганная бабушка, а у окна стоял мертвенно-бледный отец. Девочка не поняла, что там, на улице – сумерки или рассвет.

– Ты в порядке? – спросил папа.

Она торопливо кивнула.

– Я все-таки доктора пригласил, ты почти сутки спала. –

Он прошел к дверям и распахнул их.

– Зачем? – только и успела спросить Вера.

Все трое: папа, бабушка и Василий Петрович, врач и добрый папин приятель, в изумлении смотрели на нее. Она снова могла говорить, а привычные цветные дымки над головами людей рассеялись.

Глава 3

Вера, как и Лида, вышла замуж на втором курсе, хотя из суеверия пыталась отложить это событие. Но жених и слышать ничего не желал – ему подавай свадьбу немедленно! И Вера сдалась: уговорила себя не обращать внимания на одно-единственное совпадение – второй курс, – а в остальном все получалось иначе, чем у мамы с папой. Ильнур был ее ровесником, учился в КАИ, а главное, Вера чувствовала, что и сама влюблена.

Они и дня не могли провести друг без друга – встречались после занятий, Ильнур заходил за Верой в институт, и гуляли до самой ночи: жаль было расставаться.

Родня сопротивлялась свадьбе неистово. Как это?! Невеста – русская, жених – татарин. С ее стороны бабушки-дедушки – православные, с его – мусульмане. Да и вообще, как может Орлова стать Хусаиновой?!

На последний вопрос, который мучил Александра Ивановича, ответить было несложно: Вера пообещала, что не станет менять фамилию, если для отца это принципиально. Ильнур из уважения к будущему тестю, пусть нехотя, но согласился. Нужно сказать, многие правила и традиции двух разных семей потеряли в тот период, не устояв перед напором юности.

Пышной свадьбы не было – молодым казалось важным

только стать мужем и женой. А пытаться угодить родне все равно было бессмысленно: тем нужна русская свадьба, этим – татарская. Бабушка Веры сокрушалась о том, что нельзя обвенчаться, мама Ильнура – о том, что невозможно прочитать Никах. Компромисс отыскался простой – Вера с Ильнуром побывали в загсе и пригласили родителей в ресторан. А потом зажили спокойно и счастливо.

Первые годы брака Вере казалось, что после всего пережитого она наконец-то попала в рай. Ильнур был в ее глазах лучшим в мире мужчиной. Он успевал учиться и зарабатывать, опекал свою жену, как маленькую, и строил грандиозные планы на будущее. Самое удивительно, что он оказался отнюдь не прожектором: все, что задумывал, выполнял. Через год после окончания института у молодых уже была собственная квартира, а у Ильнура – маленький бизнес, который он открыл, учась на третьем курсе.

– Ни о чем не беспокойся, – любил повторять он, целуя Веру в макушку, – занимайся любимым делом.

И она, с чувством благодарности, занималась: ушла с головой в работу. Кажется, Ильнуру было лестно, что его жена поступила в аспирантуру и скоро станет кандидатом наук. Он ни разу ни словом, ни делом не упрекнул ее в том, что зарабатывает она слишком мало: безропотно содержал молодую семью, помогал деньгами тестю, обеспечивал своих родителей.

Вера – утонченная натура, понятия не имевшая о премуд-

ростях бизнеса и торговли, – только изумлялась, как ее мужу удастся извлекать огромные прибыли из самых простых вещей. Но факт оставался фактом. Начал Ильнур с мороженого.

Еще студентами, сразу после свадьбы, молодожены поехали на несколько дней в Москву. И пока Вера с восторгом разглядывала Кремль, Красную площадь, Ленинскую библиотеку, Арбат, Ильнур, как заколдованный, прилипал на каждом углу к маленьким тележкам с мороженым.

– Смотри, – он брал Веру за руку, – это ведь не холодильник?

– Нет, – она бросала на очередную тележку безразличный взгляд, – провода не видно.

– Хочешь мороженого? – тут же с пристрастием спрашивал он.

Девушка обреченно улыбалась и кивала в ответ. В ее чудесной жизни с Ильнуром была только одна сложность: муж не принимал никаких отказов. Была она голодна или нет, нужно ей было новое платье или нет, а на все предложения любимого нужно было немедленно соглашаться, а потом торговаться щедростью и тонким вкусом молодого супруга. Кажалось бы, одно удовольствие! Многие женщины мечтают о таком заботливом муже. Загвоздка состояла лишь в том, что не каждое предложение Ильнура нравилось Вере. И тем не менее она «хотела» и выбирала на осень пальто белого цвета, «хотела» и покупала туфли на высоченных каблуках, «хоте-

ла» и ездила в гости к его маме три раза в неделю.

Вот и сейчас она «хотела» мороженого. А ведь за день уже съела пять пачек! Любимый покупал лакомство только ей: сам он к сладкому, как настоящий мужчина, был равнодушен.

Ильнур радостно побежал к очередной тележке и, как в прошлые пять раз, на полчаса застрял около продавщицы. Расспрашивал, улыбался, шутил. Девушка млела и таяла, как ее собственный товар на солнцепеке. Вера терпеливо ждала в сторонке – уже понимала, что все неспроста. Ильнур отличался еще одной уникальной чертой характера: никогда ничего не делал без умысла.

Когда молодые вернулись домой, супруг торжественно объявил, что будет «работать с мороженым». В нашем городе – ни одной уличной точки, а он уже знает, в каких местах они будут нужны. У входа в кремль, рядом с университетом, на городских пляжах и в парках.

Вспомнить страшно, сколько денег тогда занял новоявленный бизнесмен. Бегал с высунутым языком по родственникам и честно рассказывал, что к чему. Семейственность у татар – великая сила, и никто не отказывался помочь «молодому джигиту» встать на ноги. Даже тени сомнения в глазах умудренных жизненным опытом двоюродных и троюродных дядь не возникало.

Одна только Вера сходила с ума. Конечно, ни словом, ни взглядом не давала понять мужу, что беспокоится, но страхи

«а вдруг Ильнур прогорит?» ее не покидали.

Наконец дело было сделано. Новенькие голубые тележки куплены и расставлены по «присутственным» местам. Третьекурсник Ильнур стал частным предпринимателем.

Летом торговля шла бойко, он только и успевал носиться по своим «точкам»: контролировать, давать указания, собирать деньги. Лишь одна проблема мучила его изо дня в день – сухой лед. Поставщики привозили товар не самого лучшего качества: испарялся он быстро, приходилось мудрить с графиками работы, докупать лед в течение дня. Намаявшись с этой историей, Ильнур решил сам заняться вопросом.

Был у него еще один очень правильный принцип в жизни: хочешь получить положительный результат – придумай решение сам. Напряги мозги и выдай пару идей.

Спасение оказалось рядом, в небольшом городке по соседству – сорок минут на машине. Там производилась двуокись углерода и продавалась гораздо дешевле, чем у местных поставщиков. Да и испарялся этот сухой лед медленнее.

Ильнур взял в аренду грузовик и стал каждое утро, до начала занятий в КАИ, ездить на завод за льдом. Он со смехом рассказывал Вере, как его останавливали гаишники на каждом углу и как неистово сигналили проезжавшие мимо автомобилисты: из грузовика шел плотный пар, который легко можно было принять за дым. Вот люди и думали, что несущаяся по трассе машина горит. Потом гаишники, конечно, привыкли к «дымящемуся» грузовику. Только бдительные

водители продолжали нервно сигналить.

Через несколько месяцев Ильнур понял, что гораздо выгоднее торговать самим сухим льдом, чем мороженым. И хлопот меньше: никаких продавщиц, никаких тележек по городу. Бизнес с мороженым Ильнур продал, долги вернул, и молодая семья стали богатеть на двуокиси углерода как на дрожжах.

Вере оставалось лишь изумляться изобретательности, упорству и силе воле Ильнура. На сон у ее неугомонного мужа оставалось каких-нибудь пять-шесть часов в сутки; он не успевал ни читать, ни выпивать с друзьями, ни лежать на диване. Приходил домой поздно вечером, ужинал и ложился в постель. Правда, засыпал не сразу – каждый день помнил о присутствии рядом молодой и любимой жены.

Утром поднимался ни свет ни заря – Вера готовила ему завтрак, потом снова ложилась спать – и ехал за льдом.

Те, кто живет на маленькую зарплату, любят осуждать бизнесменов: дескать, не ясно еще, что они там украли в девяностые и как разбогатели. Конечно, многие так и создали свой капитал – через приватизацию государственной собственности, криминал. Но благодаря Ильнуру Вера знала точно: есть богатые люди, которые каждый рубль своего состояния могут объяснить личным трудом. Пока однокурсники ее мужа крепко спали в теплых постелях, Ильнур уже возвращался в город с товаром. Зато теперь, когда он стал «большим человеком», многие кусали локти и поливали гря-

зью бывшего друга. А что мешало самим приложить усилия? Сделать перерыв в череде бесконечных студенческих пьянок и заняться делом? Ничего, кроме лени.

Чем больше новых идей посещало гениальную голову Вериного мужа, тем настойчивее росло его материальное состояние. Сразу после того, как Вера защитила диссертацию, семья переехала в новую трехкомнатную квартиру.

В то время у ассистентки кафедры английской филологии начался тяжелый период – на молодых, только защитившихся преподавателей, вешали такую огромную нагрузку, что некогда было и продохнуть. Профессорский и доцентский состав в те годы перебирался из государственных вузов в коммерческие, как грибы после дождя выскакивавшие по всей стране. А кто-то и вовсе оставлял преподавание, уходил в бизнес – прожить на обесценившуюся в начале девяностых зарплату стало уже невозможно. Оставались лишь те, кого никуда не приглашали, и те, кто, как Вера Орлова, мог спокойно сидеть за спиной супруга, занимаясь «любимым делом» ради души и светлой идеи спасения нового поколения. Достойная, как ей казалось тогда, миссия.

Дополнительные часы занятий, несколько новых групп. Помимо зарубежной литературы, Вера Александровна теперь преподавала множество предметов, превратившись в многостаночника – стилистика и фонетика, практика речи и история языка.

Как и Ильнур, пропадала допоздна на работе – даже ужин

не успевала готовить, за что и мучилась страшными угрызениями совести. Мало того что денег не зарабатывала, так еще и уставшего после работы мужа встретить как следует не могла. Кормила – стыдно сказать – не домашними котлетами и свежим салатом, а магазинными пельменями.

Ильнур такого самоуправства со стороны жены, конечно, не потерпел. Семью без домашней еды он считал настоящим позором. Чтобы женщина не могла приготовить мужу нормальный ужин?!

– Я от тебя не требую, – воспитывал он Веру после того, как с гримасой омерзения на лице поужинал сосиской и макаронами, – перемяч и вак-бялеш каждый день. Сделай обычное мясо, плов там, курицу с картошкой. Это что, трудно?

– Нет, – Вера опустила глаза и залилась краской.

– Умеешь ведь, когда хочешь! – подбадривал он.

– Да. – Ей было действительно стыдно: ведь Ильнур честно выполнял мужскую работу – обеспечивал семью, покупал квартиры, машины. А она не умела справиться с элементарными обязанностями жены.

Но и признаться в том, что не успевала по хозяйству, потому что каждый день прибегала домой только за двадцать минут до прихода мужа, Вера не рисковала: боялась, что, если «любимое дело» стало мешать семейному счастью, Ильнур вполне мог потребовать бросить институт. И что тогда она станет делать, сидя дома целыми днями?!

– Вот и хорошо, – он удовлетворенно кивнул, – теперь пойдём спать.

Решение проблемы в голове Веры Александровны созрело быстро: как говорится, «надо только включить мозги».

В одной из ее новых групп училась скромная деревенская девочка. Алсу поступила на факультет иностранных языков самостоятельно, без поддержки – таких случаев был один на полсотни. Иняз в институте считался блатным: шли кто за деньги, кто по связям. Исключения делали только для гениев или сирот. Алсу относилась к последней категории.

Девушка училась на совесть: прекрасно выполняла каждое задание, а ее упорства хватило бы на роту солдат, которым приказали перекопать траншеями чистое поле. Среди студенток, большую часть которых интересовала не учеба, а мальчики и развлечения, она выделялась. И, к сожалению, не только успехами.

Староста группы рассказала Вере Александровне, что живет бедная Алсу на одну стипендию, а по ночам моет полы в своем общежитии, чтобы хоть немного заработать. Мать ее умерла от рака, когда девочке было десять лет, а отец женился на другой женщине. У них родился общий ребенок, потом еще один, и об Алсу тут же забыли: живи как знаешь. Чудо, что она оказалась такой настойчивой – сумела приехать в город и поступить в институт.

Услышав эту историю, Вера стала относиться к бедной девушке как к родной. Она прекрасно понимала, что значит

смерть матери, помнила, как больно быть ненужной близкому человеку.

Ей хотелось помочь Алсу, только поначалу она не знала, как это сделать. Предложить денег? Неудобно. Устроить на работу? Некуда: студенты никому не нужны. И тут, после разговора с Ильнуром, ей в голову пришла гениальная мысль: одним выстрелом убить сразу двух зайцев. Вера решила предложить Алсу стать ее помощницей по хозяйству. Конечно, она будет достойно платить: благодаря Ильнуру денег в семье достаточно. Что бедная девушка получает сейчас за мытье полов? Наверняка копейки.

Вера Александровна задержала студентку после семинара и изложила свою просьбу: дескать, не успеваю из-за громадной нагрузки в институте заниматься кухней и уборкой квартиры. Объяснила, что и к чему. Сложного в работе действительно ничего не было – готовить на двоих через день и приводить в порядок жилище, в котором никто не успевает даже намусорить: хозяева приходят лишь спать.

Алсу согласилась с радостью, и обрадованная удачным стечением обстоятельств Вера Александровна выдала ей комплект запасных ключей.

Счастье, заодно с чистотой в квартире и вкусными ужинами, вернулось в дом.

Очень долго Вера думала, как рассказать Ильнуру про Алсу, и все не могла решиться. Вряд ли ему – восточному мужчине – понравится новость о том, что вот уже несколько ме-

сяцев он, по сути, ест из рук чужой женщины. От фирменной татарской брезгливости можно с ума сойти! Он даже чай пить отказывался, если тот приготовлен и налит не руками жены. Стыдно, конечно, обманывать любимого человека, но... С другой стороны, днем он где-то обедает, как-то пьет чай. Готовят для него совершенно чужие женщины, и никаких проблем.

Но стоило Вере об этом подумать, и муж, словно услышав ее мысли, завел разговор.

– Верочка, – пел он соловьем, – ты – лучше любого шеф-повара. А кто тебя научил губадью готовить? Моя мама?

– Э-э-э, – жена не сразу нашлась, что ответить, – помнишь, ты мне книгу подарил «Татарская кулинария»? Я рецепт там прочла.

– Ты – сокровище мое, – восторгался он, – мой сапфир! Давай я теперь и на обед буду домой приходить, а?

В воздухе повисла пауза. Найти аргументы «против» было не просто: упорству успешного предпринимателя Хусаинова мог позавидовать всякий.

– Ильнур, я же днем в институте!

– Ничего, – он встал из-за стола, подошел к Вере сзади и обнял за плечи, – я сам подогрею.

– Как?!

– Что ты напугалась, – он весело рассмеялся, – я же не маленький. Справлюсь!

– А-а-а...

– Надоели мне эти кафе, – пожаловался он, – изжога от них.

– Ты во сколько обедаешь?

– Как получится, – отмахнулся супруг, – в два или в три. Ты мне стол утром накрой, а я приду и поем.

Пришлось вызывать Алсу на экстренное совещание и решать проблему обедов. Теперь ей приходилось бегать домой к Вере Александровне – благо, квартира не так далеко от института – во время большой перемены, чтобы приготовить первое-второе и накрыть для Ильнура стол.

Алсу оказалась волшебной девочкой: не только умной, прилежной, но и хозяйственной. Вера теперь понятия не имела о том, что нужно купить из продуктов, не ломала голову над меню для привередливого Ильнура – Алсу заботилась о доме сама. Она все делала быстро, везде успевала.

С появлением расторопной Алсу жизнь молодой преподавательницы протекала, словно среди райских кущ. Муж по-прежнему любил. Институт, как и раньше, был в радость. А дом и хозяйство – женские обязанности, которые Вера и всегда-то не слишком жаловала, – теперь лежали на хрупких, но надежных плечах Алсу.

Да и сама девушка – Вера Александровна же все видела – благодаря хорошему заработку преобразилась. Стала одеваться красиво, модно подстриглась. Превратилась в настоящую татарскую красавицу с горящими, а не измученными, как раньше, глазами. Вера смотрела на перемены в ней и гор-

дилась так, словно Алсу была ее дочерью. Прошло немногим больше полугода, а девушка уже перебралась из общежития в съемную квартиру: наверное, еще где-то подзаработала и смогла арендовать отдельное жилье. Вера Александровна за свою студентку всем сердцем порадовалась.

Гром грянул накануне Нового года. В гости к Ильнуру с Верой должны были прийти Александр Иванович с тещей и огромный клан Хусаиновых. Вера немного нервничала: решила, что должна сама накрыть праздничный стол, не ударив лицом в грязь. А ведь она уже отвыкла от кухни. С удивлением вдруг обнаружила, что рецепты многих блюд вылетели из головы: список продуктов к праздничному столу составляла по кулинарной книге. За две недели ответственная Вера Александровна начала ходить по магазинам.

Ильнур в тот день застал жену с сумками на пороге. Его брови на мгновение удивленно заползли вверх, но он быстро взял себя в руки.

– Вера, – муж отнес пакеты в кухню, – у меня новость.

– Что случилось?! – Вера перепугалась: муж редко говорил с ней серьезным тоном. Все больше шутил.

– Послушай, – он отвел ее в гостиную и усадил на диван, – я не могу встретить с тобой Новый год.

– Командировка?! Но почему в праздники, Ильнур? Мы же родителей пригласили!

– Нет, – он начал ходить туда-сюда по комнате, – не командировка.

– А что?

– Я, – он остановился, посмотрел ей в глаза и выпалил на одном дыхании: – ухожу от тебя.

– Куда?

– К другой женщине!

Вера не сразу поняла, о чем он говорит.

– Когда?

– Уф, Аллах! – Ильнур сел на стул напротив жены и закрыл руками лицо. – Я говорю тебе, что ухожу к другой женщине, а ты даже не спрашиваешь, кто она! Тебе не интересно? Не хочешь узнать, почему?

– Почему? – послушно повторила Вера. Ее оцепенение было таким сильным, что парализовало не только тело, но и мозг.

– Потому что люблю, – он посмотрел на жену глазами побитой собаки.

– Очень жаль, – только и сказала она.

Ильнур вскочил и как вихрь начал носиться по комнате, потом упал на колени перед ней.

– Вера, отругай меня! Накричи! – орал он сам, как сумасшедший. – Я виноват. Все сделал у тебя под носом. Ты... ты же не знаешь... я ухожу к Алсу!

– Да-а-а? – Вера Александровна наконец поняла и грустно добавила: – Она хорошая девочка.

Муж бесновался до самого утра. То собирал чемодан, то разбирал, то просил прощения, то ругался, то жалел Веру,

то обвинял. Она с ним и не спорила – конечно, виновата сама. Фактически нашла себе замену: более молодую, более выгодную в быту.

А потом он ушел. И дверь захлопнулась в первый раз – вот тогда Вера и дала волю слезам. Хорошо, было воскресенье, и она могла убиваться сколько угодно душе вместо того, чтобы бежать в ненаглядный свой институт.

Ильнур вернулся через неделю – похудевший, с осунувшимся лицом и синими от щетины щеками.

– Вера, я тебя люблю! – только и сказал он.

И ей показалось, что все, этого достаточно! Понял человек, осознал, что в женщине важно что-то еще, кроме талантов хозяйки. Ильнур остался, и все в их семейной жизни, кроме Алсу, вернулось на круги своя.

Но снова наивная Вера Александровна страшно ошиблась. Через месяц Ильнур ушел от нее во второй раз.

Сколько было потом этих «уходов» и «возвращений», она не могла даже вспомнить. В очередной уход Ильнура ей снова приснилась та девочка – светловолосая: то ли сама Вера, то ли ее мама. Девчушка была грустной-прегрустной и только спросила тихо: «А как же я?» Перед тем как проснуться, Вере Александровне показалось, что она поняла что-то важное, но тут же это забыла. Осталось только мучительное ощущение того, что утрачен смысл всей жизни.

Ильнур мучил Веру и Алсу целый год. Сам он извелся так, что на него было страшно смотреть. То уходил в квартиру,

которую купил специально для любовницы, то возвращался к жене.

Вере Александровне приходилось общаться с Алсу в институте – она продолжала вести в ее группе занятия и не имела права ни словом, ни действием показать свои чувства. Одному Богу известно, чего ей стоило играть роль «доброй тетушки» по отношению к этой студентке.

Ильнур говорил, что любит обеих, что для восточного мужчины две жены – необходимый минимум. Вера – умная, утонченная, добрая. Алсу – молодая, сильная и хозяйственная.

Наконец Вере Александровне надоело все, включая собственную жизнь. Она поняла, что еще немного – и запросто решится на мамин поступок. А ведь она не имела права: второй смерти Александр Иванович уже не смог бы пережить.

Да и маленькая девочка из снов почему-то не шла у нее из головы – Вера чувствовала: этому ребенку нужно, чтобы с ней все было в порядке! Наверное, это все-таки была ее мать, которая, только попав в другой мир, поняла, как сильно любила дочь. И теперь оберегала ее оттуда как ангел-хранитель, являясь в образе белокурой малышки.

Вера решила, что заставит Ильнура сделать выбор, чего бы это ни стоило. Она не могла больше жить в разорванном мире!

– Или уходи навсегда, – потребовала она, – или навсегда оставайся.

– Вера, – начал он, – я люблю тебя и Алсу...

– Не важно, – у Веры Александровны больше не было сил слушать нытье мужа, – сделай выбор! Будь мужиком.

– Но ты, – он запнулся и все-таки задал этот вопрос, – ты ведь никогда не родишь мне детей?

– С чего ты взял?! – изумленно спросила она.

– Уф, Аллах! – Ильнур посмотрел на жену с укоризной. – Мы с тобой женаты семь лет.

– Подожди, – Вера изумленно смотрела на него, – ты сам... когда мы поженились, сказал «давай подождем пару лет».

– Правильно, – теперь он, в свою очередь, тарасил на су-пругу глаза, – пару лет! Пока я не встану на ноги, не заработаю. Давно уже пора было ребенка родить. И второго. Ты что?!

– Я не знала, – ей стало вдруг плохо, перед глазами все плыло, – не знала, что ты этого хочешь...

– Ты глупая, что ли?! Кандидат наук, – он продолжал смотреть на Веру как на марсианку, – женщина или нет?! Ты что, сама не хотела ребенка?

– Сама я боялась! – Она сорвалась на крик.

– Чего?!

– Того, что получится, как у моей матери! А вдруг я бы разлюбила тебя? Вдруг ты бы меня разлюбил! И ребенок остался бы жить, никому не нужный. Как я.

– Чего ты городишь? – Он взвился. – Ты нужна отцу. Мне.

Своим студентам-шайтанам. Этого мало?

– Мало! Отец из-за меня пострадал!

– Вера, – Ильнур решительно встал с дивана, – я тебя не понимаю!

Подхватил сумку и пошел к двери. В тот раз – навсегда.

– Подожди!

– Нет, – он обернулся, – теперь поздно. Алсу беременна.

И она никогда не думала, как ты... А ведь ей было хуже...

Он помолчал и добавил совсем тихо:

– Я вас обеих люблю, но ты сама велишь сделать выбор.

Мой выбор – ребенок.

Захлопнулась входная дверь, стены комнаты закружились вокруг Веры Александровны в бешеном танце.

После Ильнура она больше не смогла полюбить. Жизнь приготовила ей совершенно другой сценарий: начался финансовый кризис, случился дефолт. Пришлось крутиться, зарабатывать – бывший муж пытался давать деньги, но Вера из гордости не брала: он перестал быть ее жизнью, ее мужчиной.

А потом умерла бабушка, и Вера должна была быть рядом с отцом. Два года назад умер и Александр Иванович. Вера Александровна, последняя в роду Орловых, осталась одна.

Утешала она себя только тем, что последние полтора десятка лет своей жизни ее отец наконец-то был счастлив. Дочь рядом. Покой. А еще Вере казалось, что он нашел даму сердца. Она никогда не видела этой женщины, но ощущала ее

присутствие в доме – легкое, деликатное. Чистота, порядок, приятный запах цветочных духов.

– Папа, – спрашивала она, – у тебя есть подруга?

– Что ты, – махал он на дочь руками и потом горько вздохнул, – я любил только Лиду.

Так он ни в чем и не признался. А Вера все равно чувствовала его приподнятое настроение и была рада, что «на старости лет» отец обрел счастье и душевный покой.

Глава 4

О письме Илье Владимировичу Вера «не вспоминала» целых три дня. Каждый раз, когда появлялся соблазн включить компьютер и проверить почту, она переключалась на повседневные дела. Их, слава богу, хватало.

Рабочая неделя начиналась у профессора института в воскресенье – ученики приходили один за другим: Вера Александровна даже обедать не успевала. Но менять расписание не хотела и не могла – именно «выходной день» обеспечивал большинству преподавателей безбедную жизнь.

Как ни удивительно это было, а за одно рабочее воскресенье педагоги добывали на репетиторствах половину своей месячной зарплаты. Поэтому и могли покупать продукты, позволяли себе время от времени новые наряды и даже бывали в консерватории, в театрах. Если бы не ученики, заработанных денег хватало бы лишь на оплату коммунальных услуг и покрытие расходов на интернет-телефон: ни телесной, ни духовной пищи труженикам образования не полагалось.

Вере жаловаться было грех. Она, помимо добытого на репетиторствах и работе почасовика в двух коммерческих вузах, получала доход еще и с квартиры Александра Ивановича. Целый год копила деньги, зарабатывая на уроках и сдавая жилье в аренду, а летом ездила в отпуск.

Свободная женщина должна иметь свои увлечения: Вера Александровна обожала путешествовать. А как иначе могла она погрузиться в языковую среду и культуру зарубежных стран, литературу которых преподавала всю жизнь? Возможность уехать летом на целый месяц в Европу, чтобы пропадать с утра до ночи в букинистических магазинах или музеях, бродить по вечернему Лондону, Берлину или Парижу, стоила любых усилий в течение года. К отсутствию роскоши и комфорта профессор института давно приучилась, а потому была довольна дешевыми гостиницами на окраине европейских столиц: лишь бы кровать была и какой-нибудь душ.

Зато с каким наслаждением она гуляла по незнакомым улочкам, садилась за шаткие столики, выставленные на улицу перед кафе, и болтала с улыбочивыми посетителями. Вера давно сомневалась, будет ли держать ее что-то в России после того, как придет время выйти на пенсию: без студентов, без института она бы лишилась корней. Если в личной жизни, – а надежд с каждым годом оставалось все меньше, – так ничего и не сложится, она собиралась продать свою квартиру (спасибо Ильнуру, переоформил на ее имя после развода), продолжить сдавать «хоромы» Александра Ивановича и уехать в Европу. При ее скромных потребностях на десять-пятнадцать лет денег должно будет хватить.

Все в размеренной жизни Веры Александровны было давно продумано и расписано. Выбивалось из графика только одно – внезапное и довольно глупое, если учесть отсутствие

существенных предпосылок, влечение к Маркову.

На третьи сутки Вера сдалась: обманывать себя и делать вид, что реакция Ильи Владимировича на решительные и неразумные действия профессора Орловой ее не интересует, она больше не могла. Включила компьютер и открыла почтовый ящик.

Очередная глава от аспиранта. Сообщение от дипломницы. Спам. А это что? Неужели?!

Вера посмотрела на дату сообщения, пришедшего с адреса Маркова. Оказывается, он прислал ответ в тот же день! А она-то так долго изводила себя ожиданием: боялась узнать, что скромная ее персона вельможного Илью Владимировича совершенно не интересует. Открыв сообщение, Вера Александровна смутилась: странная у Маркова оказалась форма письменного общения. Ни обращения к адресату, ни подписи – «пришлите номер своего мобильного телефона», и все. Или так нынче принято в этой сумасшедшей Москве? Никаких реверансов. Только суть дела в целях экономии времени. Профессор вовремя вспомнила, что Илья Владимирович большую часть жизни провел не в научной, а в бизнес-среде: видимо, таков этикет людей, умеющих делать деньги и ценить каждую минуту.

Копируя манеру Маркова, Вера набрала номер своего мобильного телефона, и отправила.

Через секунду раздался звонок.

– Алло? – изумленно произнесла она в трубку.

– Вера, привет! – услышала знакомый голос и почувствовала, как подкашиваются колени. Во избежание присела на стул.

– Добрый день, – и замолчала, не зная, как продолжить: они с Марковым пока не переходили на «ты» и не договаривались забыть про отчества.

– Ты в воскресенье свободна? – разрешил Илья Владимирович сомнения Веры Александровны на тему местоимений.

– Да, – тут же согласилась она, даже не вспомнив про своих верных учеников.

– Пообедаем?

– Конечно.

– Договорились. В субботу наберу, и решим, где. Пока!

– А... – начала она задавать вопрос о времени (обедают-то люди по-разному), но запоздала. Марков уже положил трубку.

Так для Веры и осталось загадкой, планировать встречу на двенадцать или на два. А от этого зависело, скольким из постоянных кормильцев придется отказать в занятиях.

Но этот вопрос, к которому она всегда относилась с большой ответственностью, утратил вдруг важность.

Взрослая женщина, профессор и доктор наук, Вера вскочила со стула и возбужденно заметалась по комнате. К окну. Потом – к зеркалу. Вернулась к столу. «Вера, привет!» – звучал в ее голове, не переставая, голос Маркова. Такой участливый, нежный. И такой родной, словно они были знакомы

сто лет.

Все-таки она ему небезразлична! Иначе стал бы он ментально звонить и приглашать на обед?

Немного успокоив разволновавшееся сердце, Вера сохранила номер Маркова в записной книжке своего телефона и стала думать о том, как теперь быть с воскресными учениками.

В девять приходит Машенька – девочка из седьмого класса английской школы. С ней все в порядке: можно успеть. В одиннадцать по расписанию Леонид – молодой бизнесмен, хозяин компании. Его никуда не сдвинешь: время у человека распределено по минутам. Если встреча с Ильей в два или в три, то с Леонидом тоже складывается удачно. А если в час? Уже не получится. Но ему в Америку через два месяца лететь, времени и так катастрофически мало! Да и деньги, которые он платит, лишними не назовешь. В два приходит Андрей – будет в этом году поступать на иняз, в четыре – Надюша, дочка приятельницы, в шесть Вера Александровна занималась с Марселем – чиновником из мэрии. И с ними со всеми придется договариваться о переносе занятий? Как же все оказалось непросто.

И все же Вера мало думала о поломанном расписании, словно превратилась вдруг в легкомысленную девчонку. Чем ближе было воскресенье, тем меньше часов, а потом и минут в день она уделяла мыслям, отвлеченным от Маркова. Илья Владимирович стал единовластным хозяином в ее голове и

– Вера чувствовала – посягал еще и на сердце. Иначе бы не снился с такой настойчивостью!

Судя по вопросительным взглядам студентов и недоуменным – преподавателей, по лицу Веры Александровны теперь блуждала самая блаженная из улыбок. А ей было уже все равно: отдалась мечтам и парила среди облаков.

В субботу утром – дальше тянуть было нельзя – Вера приняла наконец решение. Обзвонила учеников – всех, без исключения, – и сообщила, что в воскресенье занятия отменяются. В конце концов, женщина она или нет? С утра не помешает попасть на маникюр, потом – к парикмахеру. Сто лет не ходила в салон: было жаль и времени, и денег. Но дальше откладывать некуда: на долгожданной встрече Вера хотела выглядеть на все сто!

Придирчиво перебрав содержимое гардероба, Вера Александровна поняла, что идти в ресторан ей решительно не в чем: костюмы, в которых вела занятия, не подходили для выхода в свет, а единственное нарядное платье выглядело слишком вычурным для обеда. Пришлось после занятий в институте бежать сломя голову в ближайший торговый центр.

Весь день она то и дело поглядывала на дисплей телефона: ведь Марков обещал позвонить именно в субботу. Сказать, во сколько и где. Вопреки собственным правилам, профессор Орлова в этот день не отключала звук даже во время занятий. Но Илья Владимирович так и не проявился.

Перемерив полмагазина и купив элегантное платье до колен, а заодно туфли – разоряться так разоряться, – уставшая Вера вернулась домой, села за кухонный стол и положила перед собой аппарат.

Было уже девять вечера, а Илья Владимирович до сих пор не дал о себе знать. Сначала она смотрела на маленький экран с недоумением, потом – с обидой, а ближе к двенадцати ночи – с ненавистью. «Уж полночь близится, а Германа все нет», – пронеслось в голове.

В первом часу ночи, намучившись, она наконец отправилась в постель.

Сон не шел целую ночь. Вера перебирала по секундам каждую встречу с Ильей и находила множество подтверждений тому, что интересна Маркову как женщина. Но что же в таком случае произошло? Почему он не позвонил? Вполне возможно, был так занят весь день, что не смог выкроить ни одной свободной минуты: даже преподавателей загружают иногда сверх всякой меры. А что говорить о проректоре?

Или, может быть, с ним что-то случилось? Попал в аварию?! Заболел? Она в волнении бросила взгляд на часы – три ночи. Кому звонить?!

К утру бедная Вера Александровна накрутила себя так, что стала похожа на тень отца Гамлета: в зеркало было страшно смотреть. Всклокоченные волосы, безумный взгляд и черные круги под глазами. Дождаться хотя бы восьми утра казалось задачей невыполнимой. Она сидела на краю кроватки.

ти, прижимая к груди телефон, и, как заведенная, повторяла только одно: «Пожалуйста, Илья, пожалуйста!» Наконец толстая стрелка на настенных часах прилипла к цифре VIII. Вера отыскала в телефонной книжке его номер и нажала вызов.

– Алло! – бодрый голос заставил ее вздрогнуть: если она и ожидала услышать Маркова, то как минимум больным, а как максимум – при смерти.

– Доброе утро, Илья Владимирович, – пробормотала она.

– Вера Александровна? – изумился он. – Чем могу быть полезен?

Вера так и застыла с трубкой в руке. Как это – чем?! Его что, подменили и теперь этот новый Илья Владимирович совсем ничего не помнит? Он же говорил «ты», называл «Вера».

– Мы с вами договаривались, – замямлила она, запнулась, но он не помог: просто молчал в трубку, – сегодня встретиться. По рабочим вопросам.

– А-а-а, – его голос заулыбался, – так я позвоню вам к вечеру. Днем буду занят.

– Что?! – произнесла ошарашенная Вера, а собеседник, никак не отреагировав на ее возмущение, тут же распрощался «до связи».

С такой ситуацией Вера столкнулась в жизни впервые. Чтобы мужчина вел себя подобным образом?! Ильнур всегда был пунктуален. Даже разрываясь между ней и Алсу, он

четко выполнял обещания и никогда ничего не путал. А этот Илья Владимирович, что себе позволяет?

Чувствуя себя обманутой, Вера решительно выключила мобильный телефон и завернулась в одеяло. Все! Спать! Никакой встречи вечером.

Но выспаться так и не удалось – мысли мешали. В половине десятого она поднялась с постели, оделась и, не реагируя на доводы разума, отправилась в салон.

Деньги в кошельке таяли, как весенний снег. Вчера Вера Александровна истратила целиком зарплату, оставив без оплаты коммунальных услуг обе квартиры. Сегодня залезла в неприкосновенные запасы – зачатки накоплений на следующее лето. С учетом того, что в это воскресенье она не заработала ни гроша, – хотя могла бы спокойно провести занятия, если бы знала, что «обедать» Марков предпочитает за ужином, – следующая неделя будет материально тяжелой.

Илья Владимирович позвонил в шесть часов вечера, когда Вера, измотанная бессонной ночью и ожиданием, уже почти ничего не соображала.

– Ну, как вы? – задал он странный вопрос.

– Нормально. – Она так и не поняла, что имелось в виду: ее общее физическое состояние или готовность приехать на встречу.

– Жду вас в ресторане «Кантри».

– Уже?!

– Да, – он опять удивился, – мы же договорились!

– Но, – Вере очень хотелось выругаться вслух, но она благородно сдержалась, – мне нужно время, чтобы добраться.

– Ничего, – Марков спокойно зевнул в трубку, – я подожду.

Бегая из одного угла комнаты в другой, Вера кляла свою легкомысленность: не разобравшись в человеке, потонула в мечтах о нем. Что она знала о Маркове? Справедлив. Честен. Решителен. Но, судя по манере общаться, еще и бессердечен, даже жесток. К чему ей такое сокровище?!

Сообразив, что бессмысленно мечется по квартире, Вера заставила себя остановиться и продумать план действий. Пункт первый – вызвать такси. Пункт второй – макияж и прическа. Пункт третий – платье, туфли и плащ. К счастью, все заранее приготовлено, начищено, отутюжено.

Уже через тридцать минут она – спринтер женского марафета – уже входила в зал дорогого ресторана. Поискала глазами мужчину, поставившего всего за несколько дней ее размеренную жизнь с ног на голову, и отправилась к столику в дальнем углу.

– Привет! – Марков поднялся и, как всегда, протянул Вере руку.

В хитрых глазах Ильи Владимировича возник если и не восторг, то удовольствие оттого, что он видит. Но на комплимент проректор так и не расщедрился.

– Добрый вечер!

– Как добрались? – поинтересовался он.

– Хорошо.

Они сели за стол и стали смотреть друг на друга. Вера чувствовала, что должна произнести речь, раз уж вызвала уважаемого руководителя на встречу, но у нее все мысли вдруг вылетели из головы. Она заглядывала в зеленые глаза Маркова и тонула.

– Закажите что-нибудь, – усмехнулся Илья Владимирович, протягивая Вере Александровне меню.

Она взяла из его рук толстую папку и, с трудом отведя взгляд, стала листать страницы. Что за страшная магия?! Ничего подобного Вера раньше не ощущала. Да, она была счастлива когда-то с Ильнуром, но это состояние было радостным и спокойным. А сейчас присутствие Маркова заставляло ее трястись от ужаса и сходить с ума от желания.

Пытаясь скрыть свое состояние, Вера листала страницы меню, но не могла разобрать ни слова. Она подумала, что ее поведение похоже на действия обезглавленной курицы. Так иногда бывает: птице отрубают голову, а она еще какое-то время бежит по двору, суетится. Поведение профессора очень напоминало эту самую беготню.

– Выбрали? – поинтересовался Илья Владимирович пару минут спустя.

– Да, – кивнула она, судорожно припоминая название какого-нибудь распространенного блюда.

– Отлично, – он жестом подозвал официанта и посмотрел на Веру вопросительно.

– Греческий салат и вода без газа, – не проявила никакой изобретательности она.

– И мой заказ поторопите, – мельком взглянул Марков на склонившегося в полупоклоне сотрудника.

Во взгляде Ильи Владимировича читался уже не вопрос, а недоумение: пора было раскрыть предмет встречи. Но бедный язык Веры так прочно приклеился к небу, что она поняла: не сможет сейчас ничего объяснить! Ни рассказать о своей идее, ни задать единственно важный вопрос, ради которого она все это и затеяла.

– А почему вы уехали из Москвы? – только и сумела она спросить.

– Получил назначение, – взгляд Маркова стал серьезным, – а в вашем институте мне что, не рады?

– Рады, конечно! – горячо подтвердила Вера.

– В министерстве решили, что здесь я буду полезен.

– Вы вместе с семьей перебрались? – осмелела она.

– Дети уже взрослые, живут за границей, – Марков улыбнулся и добавил многозначительно: – Я один. Только официально пока не разведен.

– Я понимаю, – Вера Александровна отругала себя за бестактность и опустила глаза.

– А ваша семья? – поинтересовался Марков в ответ, сглаживая неловкость.

– У меня нет детей, – призналась она с сожалением, – а с мужем мы давно и официально в разводе.

Перешагнув через первый коммуникативный барьер, собеседники расслабились и стали общаться свободнее. Вера задавала вопросы, Илья отвечал. Он, в отличие от многих мужчин, любил поговорить. Об исследованиях, которым посвятил свою жизнь, о химии как невероятно интересной науке, о научных конференциях по всему миру, о том, что административная должность для него – вынужденная мера. «Но ничего не поделаешь, – добавил он, – если хочешь, чтобы от образования хоть что-то осталось, надо идти в управленцы. Иначе у тебя за спиной все разворуют».

– Умные люди среди рядовых не нужны, – продолжил разглагольствовать он на тему, – приветствуют только безропотных исполнителей, рабочих лошадок без собственных идей. Хотя именно в системе образования убийство талантов – самое тяжкое преступление. Мы воспитываем бесталанных студентов. Гениев некому поддержать! Да они просто не дойдут до студенческой скамьи: их погубят еще в школе – те самые недалекие учителя, которых мы тут выращиваем.

В словах, которые произносил Илья, было достаточно смысла: Вера и сама много раз размышляла об этом. Но сейчас в ее душе все равно поднялась буря протеста – слишком личную тему затронул Марков, причем безо всякого снисхождения к преподавателям института. А ведь и Вера тоже – «рабочая лошадка», и она тоже вынуждена пахать под гнетом системы. Но это не значит, что у нее нет никаких идей!

Она же видела, как за несколько лет менялись ее студен-

ты, если ей удавалось вложить в них толику света, научить осознанному чтению и любви к литературе. Не все были готовы впитывать, это правда, но многие. И они уже не смогут остановиться в своем развитии – будут двигаться дальше: читать, постигать, размышлять.

– Так какое у вас было предложение? – без перехода спросил вдруг Илья.

– Мне, – Вера запнулась, – пришла в голову мысль... в общем, все новое – это хорошо забытое старое. Давайте откроем в институте студенческий театр!

– Что? – Илья Владимирович посмотрел на коллегу с недоумением.

– Это – отличная воспитательная работа, – принялась она горячо убеждать его, – и для актеров, и для зрителей! Я говорю о театре на языке оригинала, конечно! Практика языка опять же.

– М-м-м, – Вере показалось, что во взгляде Маркова читается «сумасшедшая».

– Представляете, – желая убедить его, она распалялась все больше, – как будет доволен ректор вашей идеей! Ему же нужно перед выборами прогнуться перед министерством. Только мы потом сменим вектор и поработаем на вашу кандидатуру...

– Интересно, – Илья улыбнулся, – я вашу мысль понял. Но вам-то к чему лишняя нагрузка? Придется возиться со студентами, репетировать. И все – бесплатно. Пропадать в

институте с утра до ночи. А у вас наверняка есть и другая работа.

– Есть, – согласилась я, – даже две.

– Вот!

– Уйду из почасовиков, – веселая решимость неожиданно завладела Верой, – зато к каждому празднику у института будет свой спектакль. Ближе к выборам начнем агитировать. Правильно?

– Да, – ответил он просто.

– Мы вас поддержим, – Вера улыбнулась, – силой искусства.

– Хорошо, я подумаю, – кивнул Марков наконец, – пришлите по почте концепцию театра и примерный репертуар. План отбора актеров, предполагаемый график работы – в общем, все, из чего состоит театр!

– Сделаю, – необоснованной радости профессора не было предела.

Ужин закончился тем, что на выяснение отношений – главную цель встречи – Вере не хватило решимости. Илья Владимирович уже рассчитался, решительно остановив ее порыв поучаствовать в оплате счета, а Вера Александровна так и не осмелилась заговорить.

– Вас подвезти? – бросил Марков, когда они вышли на улицу.

– Нет, – Вера отказалась: слишком недружелюбно прозвучал вопрос, – прогуляюсь, погода хорошая.

– Как хотите, – он потянулся губами к ее щеке. Поцеловал, потом сжал в своей большой теплой руке узкую ладонь, и они распрощались.

Вера шла по вечерним улицам родного города с чувством, которое не могла бы объяснить даже себе. Было легко и тяжело, радостно и горько одновременно. Разговор, о котором она так долго думала, не состоялся. Ясность в отношениях, которая была нужна ей как воздух, – не тот уже возраст, чтобы идти на поводу у иллюзий, – не появилась. Что делать дальше?

Видимо, писать концепцию и создавать студенческий театр, ради которого придется забыть о дополнительных заработках. Что называется, назвался груздем... Зато будет хороший повод постоянно общаться с Ильей. Как знать, может быть, в частых разговорах и за наблюдениями она поймет наконец, кто он есть и как относится к ней самой! Усилий было не жаль. Только бы знать, что в конце туннеля брезжит надежда.

Вера провела без сна и вторую ночь – эмоции не давали уснуть. Устав бороться с собой, Вера вылезла из постели, включила компьютер и написала заголовок «Студенческий Театр». К восьми утра – моменту, когда пора было идти в институт – предложение было готово. Оставалось только отправить его Маркову по почте. Так она и сделала.

Следующие две недели прошли для Веры Александровны как во сне: она часто виделась с Марковым, обсуждала с ним

подробности работы будущего театра. Организаторы театральной студии проводили вместе все свободное время. Стоило Вере закончить занятия – и она, как на крыльях, летела в лабораторию Ильи Владимировича: кабинет проректора для спокойного разговора не подходил. Они запирались, чтобы Маркова не беспокоили административными вопросами, и сочиняли, придумывали, смеялись. Это было так здорово – создавать театр среди колб и пробирок.

Илья смотрел на Веру с нескрываемым интересом, а она таяла и с каждым днем убеждалась, что любит: впервые в жизни испытывает ту самую страсть, о которой написано столько книг! Брак с Ильнуром казался ей теперь результатом полудетской привязанности, первым интересом к мужчине. С Ильей все было иначе: она сходила с ума от желания, посвящала мыслям о нем каждую минуту. И он – во всяком случае, так Вере казалось теперь – отвечал ей взаимностью.

Сложность была одна – никто не решался на первый шаг. Вера ждала, с каждым днем распаяясь все больше. А Марков открыто демонстрировал свою симпатию, но не предпринимал решительных действий.

Когда концепция проекта была готова, проректор отправился на прием к высшему руководству и там одобрили идею – театру быть! Вера, превратившаяся вдруг из уравновешенного профессора в эмоциональную девочку, разве что не прыгала до потолка от счастья. А Илья Владимирович снисходительно улыбался ей, как ребенку.

На кафедре Вера Александровна, разумеется, ни словом не обмолвилась о своих успехах. Хотя язык чесался невероятно. Но придет время – узнают все сами. И даже, наверное, поймут, ради чего был нужен Вере студенческий театр.

Если разговор кафедрян заходил об Илье Владимировиче, она скромно отмалчивалась и с трудом, но делала вид, что ее эта тема не интересует. И только проницательная Варвара Тихоновна бросала на младшую коллегу лукавые взгляды.

В душе Вера уже праздновала триумф. Они с Марковым договорились о встрече в ближайшее воскресенье, чтобы вдвоем отметить рождение театра – приказ лежал у ректора на столе. Понятно, что он может покоиться там без движения еще целый месяц, если не больше, но основные моменты согласованы. Проректор по воспитательной работе будет назначен куратором проекта, а Вера – художественным руководителем.

Вера Александровна уже сейчас ощущала, что грядущее воскресенье станет переломным в ее судьбе. Мир вокруг сиял теперь яркими красками: она повстречала мужчину своей мечты, и из многих и многих он выбрал ее!

Глава 5

До воскресенья осталось всего четыре дня, когда Вера Александровна спохватилась: одно дело соблазнять мужчину оптимизмом и интеллектом и совершенно другое – разоблачиться вдруг пред ним. При этом у Веры не возникало ни малейших сомнений: стоит Маркову прикоснуться к ней, и она сдастся на милость победителю.

Чувства, успевшие за такой недолгий срок превратиться в часть ее существа, сделали Веру – она вполне отдавала себе отчет – примитивной особью женского пола, которая только и мечтает о прикосновениях и поцелуях. И это давно забытое состояние при всей своей глупости было так радостно и приятно!

Придирчивый осмотр в зеркале показал, что у страждущего тела целых два недостатка: бледная кожа и мерзкий, в толстых складках живот. Если втянуть его и не дышать, можно, конечно, сойти за стройную женщину средних лет. Но стоит расслабиться, как все это безобразие растекается, хороня под собой даже намек на талию.

Осознав бедственность положения, Вера Александровна бросилась к заветной коробочке и изъяла последние деньги «на лето». До отпуска еще далеко, а неудача с Марковым недопустима: она положит конец надеждам профессора на банальное, но такое желанное женское счастье.

Впервые за многие годы Вера влюбилась – другого шанса может уже не быть.

Пересчитывая купюры, она кляла преподавательский образ жизни и привычку придавать значение лишь внутреннему содержанию человека. С утра до ночи – институт, а в редкие свободные часы – диван за компанию с «вкусеньким». Нашла панацею от плохих настроений: мороженое и шоколад. Удивительно еще, что не расплылась во все стороны – видимо, беготня между тремя работами спасала.

Разве нельзя было следить за питанием и ходить в какой-нибудь простенький спортклуб или хотя бы бегать по утрам? Нет! Пока гром не грянет, русская женщина о фигуре не вспомнит. Исключение, наверное, составляют представительницы гламурных профессий, к коим преподаватели никак не относятся.

На ходу натягивая джинсы и свитер, Вера ринулась вон из квартиры. План был такой: найти фитнес, сходить в солярий и купить спортивный костюм. За четыре дня она, конечно, не надеялась превратиться из тыквы в принцессу, но какого-то результата все равно собиралась добиться. Настойчивость – великая черта характера человеческого.

С мыслями о Маркове доктор наук начать бегать, качать пресс, а заодно бросила есть.

Удовольствие на практике вышло ниже среднего. С непривычки Вера задыхалась на беговой дорожке, у нее то кружилась голова, то кололо в боку. А временами все это

происходило одновременно. Несчастливые сотрудники клуба, наблюдавшие за порядком в зале, не раз пытались стащить настырную профессоршу – то смертельно-бедную, то устрашающе-красную – с тренажера и уговаривали измерить давление, но Вера Александровна была непреклонна. Тяжело в учении, легко в бою. Если уж довела себя до состояния старой развалины, будь добра это исправить. С подобной «физической подготовкой» женщину даже в постель к мужчине нельзя допустить: на второй минуте сойдет с дистанции.

Только в воскресенье утром, проснувшись со стоном, она поняла, что перестаралась в издевательствах над собой. Все мышцы болели, тело не сгибалось ни назад, ни вперед. Передвигалась она так, словно зажала мяч между коленями – ноги наотрез отказались расставаться с растопыренным положением.

Представив себе, что к вечеру нужно облачить негнущееся тело в нарядное платье и встать на высокие каблуки, Вера закричала от обиды зубами. Но назад пути уже не было. И времени на жалость к себе тоже не оставалось – один за другим начали приходиться воскресные ученики.

Днем позвонил Марков, назвал место встречи – Вера Александровна так и не поняла, что это: ресторан или ночной клуб. Но на поиски информации в Интернете времени уже не было. Она только почувствовала разочарование оттого, что Илья Владимирович приглашал не домой: ей-то казалось, он уже готов к решительному шагу...

По назначенному адресу она приехала к восьми вечера, вышла из машины, все еще передвигаясь с трудом, и тут же увидела прямо над головой сияющее неоновыми буквами слово «Отель». С минуту Вера Александровна ошарашенно смотрела на дверь – такого поворота событий она не ожидала. Да и за всю жизнь не довелось ей ни разу оказаться в подобной ситуации.

Войти? Неудобно и даже смешно – немолодая женщина, разодетая в пух и прах, заходит одна в отель и спрашивает, в каком номере остановился такой-то мужчина.

Сбежать? Но тогда зачем она сама же организовала этот бал-маскарад? Написала ему письмо, взвалила на себя студенческий театр, уже поставила с ног на уши всю свою жизнь. И, главное, приехала сюда: Марков решит, что она попросту морочит ему голову или – того хуже – набивает цену. Но ведь не было ничего подобного! Только огромное чувство и желание быть рядом с любимым мужчиной.

Поколебавшись еще с полминуты, Вера наконец набралась смелости: открыла дверь и вошла.

Лобби отеля оказалось совсем небольшим. Девушки за стойкой сразу заметили посетительницу и теперь с плохо скрываемым любопытством рассматривали ее.

– Чем могу вам помочь? – наконец вымолвила одна из них.

– Илья Владимирович Марков в каком номере остановился? – ответила Вера Александровна вопросом на вопрос.

Она старалась держаться с достоинством, но одному Богу

известно, каких усилий стоил ей самоуверенный преподавательский тон в такой ситуации.

Девушка сделала круглые глаза – видимо, с тем, что немолодые клиенты способны на похождения, она раньше не сталкивалась – и бросила взгляд на экран монитора.

– В четыреста пятом.

– Спасибо! – ответила Вера небрежно и направилась к лифту.

Девушка открыла рот и хотела что-то сказать, – может быть, процитировать правила посещения, – но, к счастью, лифт услужливо раскрыл перед Верой Александровной двери, и она поспешила скрыться.

Поднявшись на четвертый этаж, позвонила Маркову по телефону.

– Ты где? – по-деловому поинтересовался он.

– Рядом, – ответила Вера, удивляясь внезапному «дежавю» с переходом на «ты»: в стенах института речь Ильи Владимировича была официальной, – на четвертом этаже, около лифта.

– Умничка! – похвалил он и отключился.

Где-то скрипнула дверь, и очень скоро Вера увидела Илью, идущего ей навстречу.

– Как добралась? – Он обнял ее и прижался губами к прохладной щеке.

– Хорошо.

Марков взял Веру за руку – заметил ее смятенное состо-

ание – и поспешил завести в номер. Гостья в нерешительности остановилась на пороге.

– Проходи, не бойся, – Илья Владимирович посмотрел Вере в глаза, – я не обижу.

Он помог ей снять пальто, повесил его в шкаф у входной двери. Но Вера Александровна так и продолжала стоять, не в силах пошевелиться. Вся ее смелость, которой в воображении было даже с лихвой, куда-то моментально пропала.

– Снимешь сапоги? – Марков улыбнулся.

– Да.

– Вот и умничка! – снова сказал он Вере, как маленькой.

Вера Александровна растегнула замки, скинула обувь и прошла в комнату. Оглянулась в поисках стула и, не найдя его, остановилась в растерянности.

– Что-то случилось? – ласково спросил Марков и взял Веру за руку.

– Нет, – она напряженно мотнула головой.

– Если ты не хочешь, ничего не будет.

Илья Владимирович усадил Веру на край кровати и опустился перед ней на корточки. Он смотрел, не отрываясь, в ее глаза снизу вверх, а потом тихо спросил: «Можно?»

– Делай, что хочешь, – прошептала Вера в ответ, – я люблю тебя!

Он сладко вздрогнул от этих слов, встал на колени и начал целовать ее – сначала осторожно и неторопливо, потом – неистово, страстно...

Тело Маркова оказалось неутомимым. Он был изобретателем в ласках. В какое-то мгновение, уже посреди ночи, Вере почудилось, что она очутилась в одной постели не с живым мужчиной, а с вечным двигателем. С биороботом. Но эта глупая иллюзия возникла всего на пару секунд.

– Я позвоню, – сказал он утром, провожая ее до такси.

– Буду ждать! – отозвалась Вера, невероятно усталая и счастливая.

Впервые за двадцать два года работы в обычный будний день она не пошла в институт: осталась дома. Позвонила Тамаре Львовне и предупредила, что на этот раз проведет свой методический день как положено – среди книг и научных работ, а не в дополнительных консультациях для студентов.

А сама завалилась в постель и, обняв подушку, стала мечтать о Маркове. В длинных рыжих волосах Веры запутался его запах. Она то и дело подносила пряди к лицу, вдыхала аромат любимого мужчины и счастливо улыбалась. Как же это было прекрасно – любить и быть любимой в ответ!

Вера засыпала, просыпалась, и всюду был он: если она бодрствовала – в мыслях, если спала – во снах. Только к вечеру она выбралась из постели и отправилась к холодильнику. Видел бы ее кто-нибудь из коллег в тот момент! Решили бы, что профессор Орлова превратилась в блаженную.

После невообразимого для нормального человека ужина – хлеб и шпроты в сопровождении шоколадных конфет – Вера решила, что пора принять душ. Поплелась, чуть пошатыва-

ясь, в ванную комнату, но ограничилась лишь умыванием. Поняла, что ни за что не хочет расстаться с запахом Маркова в своих волосах. Ей хотелось провести с ним еще одну ночь.

Вера снова забралась в постель и, зарывшись носом в волосы, сладко уснула.

На следующий день надо было идти на работу. Каждый, кто встречал Веру Александровну в институтских коридорах, тут же начинал сыпать комплиментами: «прекрасно выглядите», «светитесь», «помолодели». Профессор Орлова с удовольствием внимала лестным речам и с лукавой улыбкой благодарила. То ли еще будет!

Во время большой перемены она не выдержала – сама позвонила Маркову. Трубку Илья Владимирович не взял: наверное, был на каком-нибудь очередном совещании.

До вечера Вера ждала, что он перезвонит, но этого не случилось. Спать она легла расстроенная.

И новый день тоже не принес добрых вестей: Илья по-прежнему не появлялся. Вера несколько раз звонила ему, он не отвечал. Написала sms. И тоже никакой реакции.

До конца недели Марков так и не появился. Измучившись бессмысленным ожиданием, Вера отправила сообщение по электронной почте в надежде получить хоть какую-то весточку. Тщетно. Илья словно испарился.

Вера не уставала задаваться вопросом, что именно она сделала не так. Слишком быстро легла в постель? Но ведь Марков понял, что виной тому были ее чувства. А может,

они и стали причиной его исчезновения? Многие мужчины боятся серьезных отношений. Только ведь у Веры и в мыслях не было давить на Илью или подталкивать его к браку. Она сама оказалась во власти чувств и готова была к компромиссу.

Еще две недели Орлова проходила, как в воду опущенная. Теперь всякий, кто встречал ее, сокрушался, что она осунулась и похудела.

Марков по-прежнему не звонил и не отвечал на звонки. В институте умудрялся перемещаться невидимыми тропами, волшебным образом не пересекаясь с Верой Александровной, хотя она теперь каждый день ходила в главное здание под предлогом столовой. Только вот есть не могла. Сидела за стаканом пустого чая несколько минут, а потом медленно бродила туда-сюда по коридорам, высматривая Маркова. Но он провалился, словно сквозь землю.

А потом в жизни Веры Александровны появилась Зуля.

Пышногрудая искусственная блондинка с тонкой талией и длинными ножками была как две капли воды похожа на куклу Барби. Поначалу Вера, увидев девушку в кабинете ректора, не поверила своим глазам: показалось, что истощенное мучительными мыслями о несостоявшейся любви сознание подсовывает ей сюрреалистический кошмар. Было бы неудивительно – депрессия, в которую она погрузилась, могла сотворить и не такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.